

Н. Д. АНДРЕЕВ

Мы были здесь...

Воспоминания

Москва
ЦентрКаталог
2006

УДК 092
ББК 68.49(2)
А65

Андреев Н.Д.

А65 Мы были здесь...: Воспоминания . — М.: ЦентрКаталог, 2006. — 96 с., илл.
ISBN 5-903-268-01-3

Николай Дмитриевич Андреев — кадровый военный, полковник в отставке, 41 год прослуживший в армии. Большая часть его жизни пришлось на годы советской власти, что во многом определило его судьбу.

Перед Вами его воспоминания, искренний рассказ о годах учебы и службы. С одной стороны, это частная история его жизни, а с другой — рассказ о времени, в котором ему довелось жить.

Для широкого круга читателей.

ББК 68.49(2)

ISBN 5-903-268-01-3

© ООО «ЦентрКаталог», 2006

Дизайн и компьютерная верстка *Курочкин В.Г.*

Сдано в набор 01.06.2006. Подписано в печать 20.07.2006.

Формат 70х90/16. Бумага офсетная. Печать офсетная.

Гарнитура Garamond. Усл. печ. л. 7,0 + вкладка 1,17.

Тираж 1000 экз. (1-й завод — 500 экз.) Заказ 527

ООО «ЦентрКаталог»

129281, г. Москва, ул. Летчика Бабушкина, д. 32 корп. 2

E-mail: centercatalog@mail.ru

Мы во многом состоим
из нашей памяти.

Хорхе Луис Борхес

Глава 1

Военное детство

*Деревня Бакеево Московской области,
1931–1946 гг.*

ГОД РОЖДЕНИЯ — 1931

Я отношу себя к тем людям, у которых на жизненном пути не было больших потрясений, кроме, конечно, потери близких, особенно во время войны. Не было неожиданных взлетов, больших или очень больших удач. Был я в меру, как мне кажется, дисциплинирован, законопослушен, с определенным ответственным отношением к порученным делам, к работе, и жизнь моя складывалась так, как у большинства моих сверстников и сверстниц.

Мое поколение — это те, кто родился в 1931-м, плюс-минус два-три года. Те, с кем мы ходили в школу, учились, дружили, иногда ссорились и дрались, с кем выросли, росли и испытывали все радости и горести. Конечно, жизнь у каждого протекала по-своему, но все же какие-то общие черты у людей одного поколения есть.

Вот одна из характерных черт нашего поколения: мы были последними свидетелями Великой Отечественной войны.

Не участниками, а свидетелями. Мы детскими глазами видели эту войну. Не важно, где мы были — на оккупированной территории или на Дальнем Востоке, все равно, мы все это испытали вместе со взрослыми на себе. Те, кто родился после нас, знают войну только по рассказам или по фильмам, а мы немецких захватчиков видели своими глазами.

Еще одна особенность: среди нас (по сравнению с другими поколениями) все же меньше тех, кто окончил полную среднюю школу. Это опять же связано с войной, потому что в занятых немцами областях школьники или совсем не учились один-два года или учились по совершенно другой программе в тех школах, которые организовали немцы.

После войны тоже было тяжелое время. Учиться было трудно, а иногда и невозможно. Многие школы были разрушены, к тому же каждая семья старалась, чтобы дети быстрее становились на ноги. Большинство подростков шло либо в ремесленные училища или ФЗО, либо в колхозы и на заводы.

Вот еще особенность: основная часть выпускников военных училищ в 50-х годах направлялась на эксплуатацию и испытание новой техники. Как правило, значительную часть службы мы, дети войны, проходили под руководством фронтовиков, которые нас учили и воспитывали.

И еще, мы всегда гордились и гордимся тем, что самые первые советские космонавты — наши сверстники!!!

МОЯ СЕМЬЯ

Родился я в ноябре 1931 года под Москвой, в деревне Бакеево Солнечногорского района Московской области. Семья наша была рабоче-крестьянской, больше, конечно, крестьянская, чем рабочая. Отец у меня был столяром высокой квалификации, работал в мебельной артели. Выполнял самые ответственные и сложные элементы, когда делали мебель по заказу. К тому же он был очень хорошим плотником и сапожником, т.е. владел теми специальностями, которые так нужны были в деревне, особенно в то время.

Семья состояла из четырех человек: мать, отец, сестра, старше меня на два года, и я. Жили мы в обыкновенном деревенском доме, каких тысячи в Подмосковье и вообще на Руси. Дом состоял из двух комнат: в одной мы жили, в другой была мастерская отца.

Моя мама — Пелагея Александровна Андреева (девичья фамилия Николаева) — родом из деревни Дедово-Талызино Истринского района, что в трех километрах от Бакеева. Всем хозяйством и нашей школьной учебой занималась мама. Отец всегда был в работе — отдыхающим я его не помню. Он все время что-то делал, занимался столярными, плотницкими или сапожными делами — всегда был занят.

НАЧАЛЬНАЯ ШКОЛА

Первые два года я учился в школе, которая находилась в нашей деревне. Школа была только для первого и второго классов. Мы учились в бывшем доме кулака Сахарова, которого выселили в 30-х годах. Из деревни, в которой больше ста дворов, был раскулачен только один человек, вот в его громадном доме и находилась двухлетняя школа.

Ну, что еще про довоенное детство сказать? Беззаботное оно было. О нас очень хорошо заботились старшие, была отличная учительница в школе, все было для того, чтобы мы учились. Перед войной жизнь была хорошей, и она должна была стать еще лучше. Но всему хорошему в нашей жизни помешала война.

Было ли ощущение надвигающейся войны? Мы, дети, ничего не знали о событиях в мире. В школе слово «война» было только в наших книжках и связано было с гражданской войной. Моим любимым стихотворением в то время было:

*«Климу Ворошилову письмо я написал,
Товарищ Ворошилов, народный комиссар,
В Красную армию в нынешний год,
В Красную армию брат мой идет.
Слышал я, фашисты готовят нам войну, —
Хотят они разgrabить Советскую страну...»*

Хорошо помню школу, учительницу, своих друзей, с которыми учились вместе, помню, как встречал отца с косьбы. Мужчины ходили километра за три косить траву, а мы, дети, в десять, одиннадцать вечера встречали их. Помню, как в одно из воскресений с отцом, матерью и сестрой ходили за яблоками в соседнюю деревню. Тогда почему-то в Подмосковье не сажали яблони, и только отдельные садоводы-любители выращивали яблоки. Поход за этими яблоками был радостным событием.

Однажды я был на Новогодней елке в Доме союзов в Москве. Отец был так называемым «культурником» в артели, организовывал культурно-массовые мероприятия. И вот нас, человек десять ребят, возили в Москву на елку. Это было единственный раз в моей жизни. Елка была большая и красивая, такую я и не видел никогда, хотя рядом с лесом жил. В доме мы тоже елку ставили, но маленькую. Однажды я получил от отца нагоняй за то, что самовольно на лыжах уехал в лес перед Новым годом. Уехал за маленькой елочкой для дома. Мороз был крепкий, я отморозил и щеки, и руки (хорошо, все обошлось без серьезных последствий), зато елочка у нас дома была!

ГОТОВИМСЯ К ПЕРЕЕЗДУ

Перед самой войной родители решили переехать из деревни на станцию Снегири. У нас были родственники в Москве, глава их семьи работал на крупном заводе, и ему предложили место для дачи в Снегирях. Так как сам он был далек от строительных дел, то попросил моего отца помочь построить эту дачу. Была договоренность разделить ее на двоих: в одной половине будем жить мы постоянно, а в другую будут москвичи летом на дачу приезжать. С этого момента все заработанные отцом деньги тратились на стройку.

В 1941-м уже готов был сруб (он стоял у нас в деревне на усадьбе), уже должны были ломать дом, в котором мы жили. Тогда нельзя было переносить сруб нового дома на новое место, пока старый не будет разрушен, и поэтому все только готовились к переезду. Но 22 июня началась война, и мы никуда не переехали. Так разрушились все наши семейные планы, так разрушилась спокойная жизнь.

ЖИЗНЬ ВО ВРЕМЯ ВОЙНЫ

Первый день войны я помню очень хорошо, очень отчетливо. В деревне был один репродуктор, он висел около школы на столбе. В двенадцать часов дня стали собирать людей для важного сообщения. Мы, конечно, рядом со взрослыми были, когда узнали о начале войны. После объявления побежали домой и увидели сразу, что лица матери и отца стали угрюмыми: они-то понимали, что рушились все их планы. Хотя, конечно, не могли даже подумать, что так все страшно и внезапно изменится, что немцы уже в конце ноября захватят деревню, находящуюся в 40 километрах от Москвы, а отец уйдет на фронт и больше не вернется.

Уже в июле отец сделал кресты из газетных полос на окна, для того чтобы во время бомбежки стекла не сыпались, не разбивались. Насколько это помогло, я не знаю, но хорошо помню первую бомбежку Москвы. Когда немецкие самолеты возвращались с задания, они летели над нашей деревней, и те бомбы, что не смогли сбросить на Москву, сбросили около нас. Первая бомба упала у леса, в километре от нашей деревни, и мы, пацаны, бегали туда искать осколки немецкой бомбы. Но это было интересным только поначалу, потом все стало жестче — наступила другая жизнь, жизнь военного времени. В 1941 году мне было десять лет. В сентябре я пошел в третий класс в Горетовскую школу, которая находилась в двух километрах от нашей деревни. Сразу после занятий все школьники, включая младшие классы, шли на поле помогать колхозникам собирать картошку и капусту.

ВСЕ МУЖЧИНЫ НА ФРОНТЕ

Отца на фронт призвали в августе 1941 года, хотя ему в то время было уже 38 лет. Пришла повестка с приказом явиться в военкомат. Мать собрала его, он попрощался со всеми и ушел, а вечером вернулся домой. И так повторялось три раза. Утром проводим в Химкинский военкомат, а вечером он возвращается домой. Сейчас можно только гадать, почему так происходило. Видимо, не успевали оформить призывников. Лишь на четвертый раз он ушел окончательно. Было это 27 августа 1941 года. Через день-другой отец при-

слал записку, что он в Клину, и просил мать приехать к нему. Она поехала в Клин и после нам рассказывала, что призывники расположились недалеко от станции, в какой-то ложине около леса, и там проходили переобмундирование.

Отец попросил, чтобы в следующий раз мать взяла с собой меня. Что он хотел сказать мне, я не знаю, потому что ночью, накануне нашего отъезда, матери принесли сообщение, что поездку надо отменить: в Клину их уже не будет. В сентябре от него пришло письмо, в котором было сказано, что идут они по направлению к Смоленску, что у него ноги «гудят».

Видимо, пехотинец он был не очень хороший. У него руки были отличные и голова, а длительные походы для него уже были трудны. К сожалению, это письмо потом пропало, в то время, когда немцы были у нас. Но помню, писал отец о том, как их кормят, сколько километров в день они проходят. Был и адрес на письме — действующая армия, номер полка, тогда еще об этом в открытую писали на конвертах. Это письмо было единственным... После этого сведений об отце никаких не было...

ВОЙНА КРЕПКО ЗАДЕЛА ВСЮ НАШУ РОДНЮ

В 1943 году погиб брат моей матери — Николаев Гавриил Александрович, 1910 года рождения. Он был председателем сельского совета Истринского района. Гавриил Александрович ушел на фронт в июле 1941 года, участвовал в параде 7 ноября 1941 года в Москве в составе 2-й Московской стрелковой дивизии (после парада их часть направили на фронт), а в 1942 году он погиб в бою под Старой Руссой. Он пулеметчиком был. В деревенском доме у нас хранится увеличенная фотография с этого парада. Во многих изданиях о войне есть это фото: в первой шеренге идет мой дядя, рядом с ним сосед по деревне, Егоров Михаил Семенович. Он тоже погиб в бою под Старой Руссой.

ПРИКАЗ СТАЛИНА ВЫПОЛНЕН

Во время войны семья Гавриила Николаева — жена и сын Николай — оставалась жить в деревне Дедово-Талызино. Деревню

заняли немцы, а совсем рядом, в полукилометре от нее в лесу стояли наши части и дальше немцев не пустили.

Известен такой эпизод из истории Отечественной войны: Сталину доложили, что немцы взяли Дедово. «Вернуть любой ценой стратегически важный пункт на Истринском направлении», — приказал Сталин. Кто-то из докладчиков перепутал скромную деревню Дедово с 30 дворами с крупным железнодорожным пунктом Дедовск Рижской железной дороги. И приказ Сталина был выполнен. Деревня переходила из рук в руки несколько раз в день.

Во время боя все жители деревни сидели в окопах, вырытых еще до бомбежек. Жена дяди увидела: их дом горит и соседний дом горит, — и все, кто прятался в этом окопе, побежали к своим домам. В это время раздались выстрелы, и снарядом убило трех человек, в том числе и жену дяди. Она погибла на глазах сына. Оказалось, что снаряд был выпущен из пушки с территории наших войск. Как солдаты после рассказывали, они думали, что это бегут немцы.

Вот такое несчастье обрушилось на эту семью. Николай остался один, было ему тогда двенадцать лет. А отец его в это время был на фронте и, когда узнал, что сгорел дом, что жена погибла, написал письмо: что такое дом — дело нажитое, а вот любимую жену уже не вернешь.

ГИБЕЛЬ МЛАДШЕГО СЫНА

Еще один брат мой матери — Николаев Николай Александрович, 1925 года рождения, тоже не вернулся с войны. Не окончив семи классов, Николай поступил работать на Тушинский завод, который делал военную продукцию. Рабочим этого завода давали бронь — их не брали в армию. Когда немцы стали подходить к Москве, завод спешно эвакуировали куда-то на Урал. А моя бабушка (его мать) так своего младшего сына любила, что не отпустила его с заводом в эвакуацию, сказала: «Что ты там будешь делать один? Пропадешь без меня». Он последний был из пятерых детей. В большой семье его все очень любили и уважали: скромный был, тихий, домашний.

Я, конечно, не присутствовал при этом разговоре, но бабушка сама после рассказывала. Вот она и потребовала, чтобы в эвакуацию он с заводом не ехал. Бронь была снята, и в 1943 году его взяли в армию. Сразу попал на фронт, и вскоре бабушка получила похоронку на него. Однако через месяц пришло от него письмо: «Не плачьте, я жив, только ранен и сейчас нахожусь на излечении».

Сколько радости было для матери узнать, что ее оплаканный младший сын жив. В марте 1944 года он писал, что лежит в госпитале, что место очень солнечное, необычное, все цветет. Где он был на излечении, неизвестно, но, видимо, где-то на юге страны. После того как он вернулся на фронт, прислал еще одно письмо, датированное 17 июня 1944 года. Слова точно не помню, но смысл такой: готовимся к большим делам. Какой-то пессимизм был в этом письме, может, предчувствие или еще что-то было у этого парня девятнадцатилетнего. И все, больше писем не было, погиб он летом 1944 года, видимо, в Белоруссии. Вторая похоронка не пришла, не знаю почему. Может, военкомат решил, раз уже была похоронка, зачем вторую посылать.

Погиб в девятнадцать лет, молодой, неопытный, мало что видел в жизни. А мог бы уехать в эвакуацию с заводом. Уже после войны еще горше плакала бабушка, когда завод возвратился в Тушино и возвратились его товарищи, его одноклассники, которые проработали всю войну на заводе и вновь оказались в Москве.

ТЯЖЕЛОЕ РАНЕНИЕ

Брат моего отца, Илья Николаевич, 1920 года рождения, был призван на военную службу в 1940 году, прошел всю войну, окончил ее в Болгарии в городе Добрич. Вернулся домой с войны тяжелораненым: череп в одном месте был пробит и практически ничем не был защищен от внешнего воздействия. Дядя как-то дал мне пощупать это место, я до сих пор помню, как содрогнулся, когда вместо кости дотронулся до чего-то мягкого. Он говорил моей матери, когда вернулся: «Лучше бы я вместо брата старшего погиб: у него семья, а я холостяк». Видя послевоенную разруху, он решил

уехать на Урал, к девушке, с которой во время службы познакомился. Поехал он к ней и не прислал нам ни одного письма. Так и пропал навсегда.

Из пяти человек, которые ушли на войну от нашей семьи, трое погибли и один тяжелораненым вернулся.

Остался живым только брат моей матери Василий, 1920 года рождения. Его призвали на действительную службу в 1940 году, он служил на Дальнем Востоке на станциях Борзя и Сковородино в зенитном дивизионе. Участвовал в войне с японцами, после войны женился, работал много лет в г. Мирном и поселке Мухтуйа. А потом что-то не заладилось, водка загубила хорошего человека, и вернулся он без семьи в Дедово, где и прожил оставшиеся годы.

БЕЗ ВЕСТИ ПРОПАВШИЙ

Уже в 60-х годах я пытался искать, где похоронен отец. Только в 1946-м получила мать извещение, что отец пропал без вести в декабре 1941 года под Москвой, и никаких известий после не было, хотя я наводил справки в Подольском архиве Министерства обороны.

Получив очередную отписку, что никаких сведений нет, поехал сам в Подольск. Поговорил с дежурным офицером, рассказал ему всю эту историю. Он мне объяснил, что по 1941 году действительно нет информации, не только по солдатам, но и по офицерскому составу, и поэтому что случилось с красноармейцем Андреевым никто никогда не скажет.

В «Книге Памяти» Солнечногорского района есть фотография отца и написано, что Андреев Д.Н. пропал без вести в 1941-м, есть еще электронная «Книга Памяти» в Москве на Поклонной горе, а других сведений нет. Все, с кем он служил, с кем в Клин приехал из Химкинского военкомата, также бесследно пропали. Нашел я позже в архивах Химкинского военкомата только сопроводительное письмо, где написано, что семь человек (фамилии и имена перечислены) направляются под командой младшего командира в распоряжение Клинского военкомата. Они все и пропали без вести. Только в 2003 году, когда вышла «Книга Памяти» Химкинского

района, я точно узнал, что отец мой был в 2СП (2-м стрелковом полку) 106-й стрелковой дивизии 24-й армии. По данным архивов, последняя информация в военных сводках о 24-й армии Резервного фронта прошла от 10 октября 1941 года.

1941 ГОД: 41-Й КИЛОМЕТР ОТ МОСКВЫ

В школу мы ходили до первых чисел октября. Как раз в октябре под Смоленском шли жестокие бои. Когда немцы первый раз прорвали фронт под Москвой, нас встретили около школы учителя и сказали: «Занятия в школе прекращаются, идите домой». Школа закрылась.

Деревня наша стоит на дороге между Истрой и станцией Крюково. Дорога была грунтовая, и по ней начиная с сентября 1941-го шли наши отступающие войска. Шли днем и ночью, пехота и артиллерия, а также гражданские люди; одни вели стадо колхозных коров, овец, другие везли свой скарб на повозках и телегах. И так как дорога идет посреди деревни, перейти на другую сторону было невозможно: поток был непрерывный, люди все шли и шли.

У меня до сих пор картина перед глазами — бредущие по дороге люди. Особенно жаль было тех, кто ехал поодиночке, и тех, кто сопровождал колхозных коров. Они просили жителей подоить коров.

Когда в деревню входили военные, мальчишки всегда выбегали встречать их. Может быть, родственника увидеть удастся, да и просто посмотреть. Как-то вечером через деревню проходил батальон. Командир остановил бойцов, построил их. Этот командир запомнился всем мальчишкам: среднего роста, коренастый, с орденом Красного Знамени на гимнастерке. Построил командир батальон и говорит: «Сейчас будете отдыхать. И если будут жалобы от населения на ваше поведение, завтра провинившийся будет расстрелян перед строем». Эти слова меня поразили. Тогда, в начале войны, мне еще казалось: как же так можно — убить человека?

В нашем доме часто останавливались на постой военные. Мать их спрашивала: «Что нам-то делать, куда ехать?» Они отвечали: «Не надо никуда уезжать, мы не допустим немцев до вашей деревни».

Так никто из деревенских жителей и не ушел до прихода немцев. Только один председатель сельсовета накануне уехал. Наверное, уже некогда и некому было заниматься эвакуацией гражданского населения, особенно после 16 ноября, когда Москва и Московская область были объявлены на военном положении.

А был и такой эпизод во время отступления наших войск. Жил в деревне один старик, лет шестидесяти, все звали его Антонычем. Вообще-то он был человеком незлобным, но любил поворчать. В один из дней, когда он начал бранить отступающих, они взяли его с собой, отвели к лесу и расстреляли. А жену Антоныча ранили немцы, обстреливая окопы, где прятались жители.

ПЕРВЫЙ БОМБОВЫЙ НАЛЕТ

Это было 16 ноября 1941 года. В деревне тогда была расквартирована наша войсковая часть. Я находился на улице, когда увидел, что с западной стороны летят немецкие самолеты, летят строем. Мы, мальчишки, легко отличали их от советских самолетов. Я сразу понял: это немецкие самолеты, даже успел их посчитать — двенадцать. Вдруг вижу: они разворачиваются как раз над деревней и летят уже вдоль деревни. Я увидел, как падают бомбы. Побежал в окоп (он был один на две семьи), а там никого нет. Я выскочил и вижу: деревня наша горит, бомбы летят. Меня оглушило воздушной волной — я упал на дно окопа, потом очнулся, снова выскочил и увидел, как мать моя, сестра, соседи бегут к нашему окопу.

Во время бомбежки погибли и военные, и гражданские, в том числе мой школьный товарищ. Он погиб от удара земляной глыбой, которая образовалась после взрыва бомбы.

В нашем доме были военные. По команде они легли на пол и к стенке. Взрывами выбило все стекла в окнах, но дом уцелел: накренился, но не развалился. А солдат один погиб: сорвало со стены шкаф с инструментами отца и этим шкафом ударило в висок. Похоронили погибшего солдата на берегу речки.

Во время той бомбежки погибло человек десять-двенадцать. Это был самый большой налет.

Немецкие летчики не брезговали и охотой за одиночными целями. Однажды я с мальчишками возвращался с поля, мы везли солому на тележке. И тут немецкий самолет начал низко крутиться над нами, я даже видел лицо летчика в защитных очках. Он начал нас обстреливать... До сих пор помню звук пуль, попадающих в тележку и солому.

НЕМЦЫ В ДЕРЕВНЕ

Наступил конец ноября. Снег пошел и морозы стали сильными. Начались бои за деревню, мы в окоп перешли жить: в доме было уже страшно — после бомбежки он еле-еле стоял. И вот утром, то ли 30 ноября, то ли 1 декабря слышим страшную команду: «Русь, вылезай». Вышли мы из окопа, стоят два немца с автоматами, проверили, нет ли среди нас спрятавшихся солдат, и ушли.

Только десять дней была занята деревня, а сколько всего произошло. Немцы собрали всех старших мужчин, не попавших по возрасту в армию, и всех молодых парней, которым было по пятнадцать-шестнадцать лет, и угнали для работы в Германию.

Были у нас соседи: отцу тогда было пятьдесят восемь, а сыну шестнадцать, и оба пропали навсегда. Сколько немцы взяли людей — точно не знаю, может, двадцать, и только один из них в 1945-м вернулся, совсем больным. Он рассказал, что почти все погибли от голода по дороге в Германию, а те, кого довезли, погибли от голода и от работ уже в самой Германии.

Забрали всех мужчин, а через два дня всех остальных (женщин и маленьких детей) выгнали из окопов и погнали на запад, по направлению к Истре. Мы поняли, зачем они нас гнали по дороге: нам навстречу по параллельной дороге (метрах в пятидесяти от нас) шли немецкие войска. Мы нужны были, чтобы наши самолеты не могли бомбить немецкие колонны. Помню, как два наших самолета почти подлетели к немецкой колонне, но отвернули, видимо, увидев женщин и детей.

Потом наша колонна разделилась: одна часть пошла к городу Истре, а другая свернула направо, в деревню Лисавино. Впих-

нули нас всех в одну избу, на стенах которой было написано «Русский дом». Сесть там было негде, так на ногах все и стояли. Потом нас отвели в овощехранилище, где мы и пробыли последние пять-шесть дней оккупации. Все, что у нас с собой было — какие-то вещи, пальто, расстелили, накрылись. Там, в овощехранилище, одна женщина родила ребенка. Загородились одеялами, одеждой, которые были, и женщины приняли роды — родился мальчик. Я знаю, что этот человек, рожденный в таких условиях, до сих пор живет и здравствует.

Что мы, пацаны, делали в те дни? Нашей обязанностью было принести воды от колодца. И вот однажды выходим из хранилища и видим: наша конница гонит немцев по полю. Радости было очень, очень много. Это самая-самая большая радость в той трудной жизни была: наши, наши пришли!!!

ВОССТАНОВЛЕНИЕ ДЕРЕВНИ

Мы возвращаемся колонной назад, выходим из леса и первым делом смотрим на нашу деревню: чей дом остался, чей сгорел. Четверть деревни была сожжена во время жестоких боев за ее освобождение. Наш дом остался. Немцы считали его нежилым, потому что он был наполовину разбит при бомбежке.

Пришли домой, а у ворот нас встречает наша собака, любимая Каштанка. Так началась наша жизнь после освобождения от немецких захватчиков.

В нашем доме жить было нельзя: сначала жили в окопе, потом переехали к соседям напротив, где уже жила одна бездомная семья. А потом началось восстановление. Война не кончилась, она только еще разгоралась, а мы начали восстанавливать свои дома. Тогда я понял, что жизнь начинается с дома. Есть дом — есть жизнь.

Дома, которые были сожжены, постепенно отстраивались. Приехала команда строителей, они так быстро, как могли, восстановили сожженные дома. Власть нашла средства и возможность помочь жителям, пострадавшим от боев.

ГОЛОДНОЕ ВРЕМЯ

Военные годы были тяжелыми и с точки зрения питания. Очень было голодно, хотя и жили мы в деревне. Осенью, когда собирали урожай, было легче, а начиная с марта, когда картошка уже кончалась, наступали самые тяжелые времена.

Зимой 1941/42 через нашу деревню проходили люди с вещмешками и санками — в Истру, за солью. Говорили, что у станции выгружена огромная гора соли. На обратном пути заходили к нам отдохнуть, чай попить. Вот однажды входит мужчина, а у нас картошка на столе лежала, поздоровался и сразу набросился на картошку — такой голодный был.

Так как отец до войны работал в артели, нашей семье полагалась продуктовая карточка. По ней давали по сто пятьдесят грамм хлеба на человека в день, и я обычно ходил в Крюково два раза в месяц. А у других и этого не было, жили деревенские очень тяжело. Когда в мае-июне пошла крапива и щавель, тут уже стало полегче. Мы ходили собирать в мешки крапиву: сдавали ее в рабочую столовую, а нас кормили обедами. Кормили супом из крапивы, запах его и вкус помню до сих пор.

Самое главное для деревни весной — посадить картошку. Картошка здорово выручала нас во время войны. При посадке каждую картофелину резали на две-четыре дольки, а кто и по глазкам сажал, каждый исхитрялся как мог.

Мы — парни и девчонки — еще и в колхозе работали. На нас были заведены трудовые книжки, установлена норма выработки. Кто из ребят покрепче, те летом косили траву. Когда покос начинался, для нас это и радость была, и в то же время труд большой. Надо было вставать очень рано, в четыре часа, идти босиком (обуви нормальной не было) и косить до восьми, пока роса не кончится. Потом шли в колхоз: нам давали кружку молока. А с четырех дня до девяти-десяти вечера снова косили. Это был очень тяжелый труд, но мы справлялись.

Командовала нами женщина-бригадир. Она измеряла сделанную нами работу. А единственный в деревне мужчина (он пришел с фронта без ноги) отбивал косы (прежде чем точить, их нужно

отбивать). Он нас всех и учил, как отбивать, как косить. Женщины и девчонки сушили траву. Жали вручную, комбайны до нас не дошли, так в основном серпами и трудились все от мала до велика.

Еще обязанность у ребят была — напилить дров для школы. Дрова привозили непиленые, нам приходилось пилить и колоть, а уже техничка в школе топила печи.

Тяжелое время было, и разные люди были, разные случались истории.

ЗАПISКА ОФИЦЕРА

Получил я как-то хлеб по карточкам. Взял две буханки подмышку и несу домой. Дошел до оврага, что возле деревни Каменка, и вдруг — выбегают из кустов подростки, выхватывают у меня хлеб и бросаются врассыпную. А эти две буханки давали всей семье на полмесяца. Иду, плачу, а навстречу — офицер. Выслушал меня и написал записку матери, чтобы она не ругала, что действительно воры отобрали две буханки хлеба.

ЗОЛОТОЙ ЗАЕМ

Был иногда и на нашей улице праздник: в самое голодное время вдруг нам повезло. А было это так. Когда мы вернулись в свой дом после немцев, вся домашняя утварь валялась на улице. Мать подобрала где-то в кустах свою швейную машинку «Зингер». Комод, который делал отец, был проткнут штыком, видно, что-то немцы искали, а все документы, бумаги были разбросаны по дому. Среди них валялась пачка облигаций Золотого займа, пополам разорванная. Мать подняла и сохранила их.

А летом 1944 года я в газете проверил — на нашу облигацию пал выигрыш 400 рублей. С рваной облигацией поехал в Химки на почту. Показал ее, рассказал, что немцы порвали наши бумаги. Посмотрели работницы почты на меня, что-то долго обсуждали, а потом сами заклеили облигацию и выдали 400 рублей. Это была такая радость! Мать мне наказала купить соли, если деньги дадут.

На Химкинском рынке купил три стакана соли за 105 рублей. Благополучно вернулся домой, принесся оставшиеся деньги и соль.

СЕННАЯ МАСКИРОВКА

Летом 1943 года приезжает машина — и два красноармейца, к нашему удивлению, начинают скупать сено. После военных действий осталось в деревне только четыре коровы, а до войны почти в каждой семье корова была. Раз приехали, второй — скупили все старое сено. Потом я подсказал им поехать в Дедово, где бабушка моя жила. Там они тоже все сено скупили. Зачем им сено, неужели для наших кавалерийских частей? И только много позже узнал, что в это время готовилась наступательная операция. И сено нужно было, чтобы скрыть танки и пушки, перевозимые по железной дороге.

ПИСЬМО НА ФРОНТ

Старушка-соседка попросила, чтобы мы, школьники, написали письмо ее сыну на фронт. Она была неграмотная. Сначала попросила зачитать письмо сына-солдата вслух. Он писал: скоро разобьем фрицев и вернемся домой. Потом начала нам соседка диктовать ответное письмо. И слова там такие были: «Не удастся вам победить немцев, потому что они очень сильны». Я пишу под диктовку и говорю: «Нельзя таких слов солдатам писать, и письмо с такими словами все равно не дойдет». Пришлось, однако, написать, как она требовала, но в конце я все-таки не удержался и дописал от себя, что с таким рассуждением не согласен и пожелал бить врага беспощадно. Дошло ли это письмо, не знаю. Сын этой женщины с войны не вернулся.

ПОХОРОНКИ ПРИХОДЯТ В ДЕРЕВНЮ

Жизнь мало-помалу налаживалась, но война все не кончалась. Отцы были на фронте. Была особая гордость, что отец воюет, защищает нас. Только у одного из нас отец был не на войне. Мужчин

в деревне не было: призывного возраста — все воевали, а старшие — угнаны немцами. Единственные мужчины рядом — пленные немцы.

В нашем лесу пленные из Красногорска пилили дрова. Это был загороженный большой треугольник леса, окруженный просеками. Мы им через просеку бросали картошку. Нам их было почемуже-то жалко. Голодные немцы бросались на картошку. И мы — дети, чьи отцы воевали и гибли, — кормили немцев едой.

Приходили в деревню похоронки, приходили письма, а нам никаких известий об отце не пришло. Отца мы ждали, но так и не дождались. Уже после войны, когда мы посылали в розыск, нам прислали бумажку, что он пропал без вести. Наши матери боялись почтальонов: они приносили похоронки. К нам в дом редко приходили письма. В основном они были от дяди Васи, что служил на Дальнем Востоке.

БРАТСКИЕ МОГИЛЫ

Главной опасностью для детей было то, что на каждом шагу в лесу, да и по деревням лежали патроны, гранаты, винтовки. Наши матери работали с утра до вечера, чтобы хоть как-то накормить нас и одеть, но, оставляя нас без присмотра, страшно беспокоились за нашу жизнь.

Суровой зимой 1942 года школьники участвовали в тяжелых работах: вместе со специальными командами убирали тела погибших наших бойцов, которые лежали на полях вокруг деревни. Их хоронили в братских могилах.

Весной пришло распоряжение: всех собак уничтожить. При мне расстреляли мою любимую собаку Каштанку, которую до войны мне подарил отец. Я ее сам закопал. Мне было ее очень, очень жалко.

О ШКОЛЕ

Мы вернулись на занятия в школу 10 января 1942 года, после того как немцев из-под Крюкова выбили. Пришли мы в школу, а там... Все парты выкинуты на улицу (хорошо еще не сожгли их),

в классах стоят кровати, на полу — кровь. В нашей школе был немецкий госпиталь. Мы это все убрали, все подготовили, и дня через три начали заниматься, хотя не было ни одного физического прибора, никаких материалов и учебников. Все было разрушено, выброшено, сожжено и уничтожено. Но третья четверть третьего класса началась тогда, когда ей и положено было.

Учеба была почти по тем же программам, что и до войны: геометрия, алгебра, литература. Но уже к концу войны, когда я учился в пятом классе, появился новый учебник по истории, и там уже среди параграфов о войне было сказано про 1941 год, про нашу активную оборону, про битву под Москвой. Помню, параграф был такой: разгром немецких войск под Москвой. Каким-то образом даже во время войны удавалось напечатать новые учебники по истории.

Уроки мы готовили дома при свете ламп и фитильков. После основных уроков оставались и слушали, как нам учительница по литературе читала что-нибудь интересное. Однажды она читала вслух «Два капитана» Каверина, и так мне это запомнилось, что когда сейчас я смотрю фильм «Два капитана», то вспоминаю те военные годы, когда впервые услышал это произведение из уст нашей учительницы.

БОСЯКОМ НА СЛЕТ

В 1944 году состоялся слет пионеров и школьников в Химках в Доме культуры. Собралось нас человек двести со всего Химкинского района, в основном отличники и те, кто хорошо работал в колхозе. На этом слете я должен был выступать. Текст написала учительница, я выучил его наизусть. Мое выступление было коротким, минуты две-три.

Приехал я почему-то босиком, видимо, нечего было надеть. В школе разрешали ходить босиком, исключая время экзаменов. Когда объявили, что следующим выступает Андреев из Горетовской неполной средней школы, сосед снял свои ботинки, я их надел и пошел выступать на сцену. Говорил о наших успехах на фронте, о том,

что наши войска должны добить гитлеровцев в их логове. Остались в памяти мероприятия, которые организовали руководители Дома культуры во время слета: мы пели песни, танцевали, смотрели кино.

КОНЕЦ ВОЙНЕ

Об окончании войны мы узнали 9 мая 1945 года. Был час дня или половина второго, мы собирались в школу во вторую смену. Нам сказали, что войне конец и что в школу мы сегодня не идем. Поэтому радость была детская, двойная: и война закончилась, и в школу не надо. В это время я заканчивал шестой класс.

Война закончилась, и в течение года фронтовики постепенно возвращались с войны, но в наш дом никто не пришел...Вернулся только брат моего отца.

«ЧТО ТАКОЕ АРТИЛЛЕРИЯ И ПОЧЕМУ Я ХОЧУ БЫТЬ АРТИЛЛЕРИСТОМ»

Школа у нас была семилетняя, и я в 1946 году должен был принять решение, куда идти дальше, чем заниматься. Закончил я семь классов на одни пятерки. Было три варианта: первый — остаться дома и идти работать в колхоз или совхоз, второй — учиться в Крюковской школе и третий — поступить в военную спецшколу. Из нашей деревни двое парней уже закончили, а один еще учился в артиллерийской специальной школе в Москве. Они-то мне и посоветовали поступать в спецшколу.

В 1937 году образовались спецшколы ВВС и спецшколы артиллерийские. В Москве таких спецшкол было пять. Я решил идти учиться в артиллерийскую. Осталось только выбрать в какую: первую или вторую (они были ближе других к Ленинградскому вокзалу). Вторая спецшкола не имела интерната, а первая имела. Спецшколы подчинялись Народному комиссариату просвещения (их в шутку называли потешными войсками Наркомпроса), и к Министерству обороны прямого отношения они не имели.

Поехал в первую спецшколу, она находилась на Красной Пресне. С собой у меня были документы: свидетельство об окончании Горетовской семилетней школы и характеристика. Ни ребят, ни преподавателей, никого не было — лето, школьные каникулы. Меня встретил мужчина в военном кителе, но без погон, видимо, уже демобилизованный (после войны было многомиллионное увольнение из армии). Он посмотрел на меня, на мои документы, и говорит: «Пойдем, мальчик». Заводит меня в класс, где человек пять что-то пишут. Дает мне листы чистой бумаги, чернильницу-неваляшку, ручку с пером и говорит: «Вот тема сочинения — “Что такое артиллерия и почему я хочу быть артиллеристом”».

Я написал сочинение, отдал его преподавателю, и он сказал, чтобы я приезжал 27 августа, узнать, приняли меня или нет.

ЕСТЬ В СПИСКЕ ФАМИЛИЯ АНДРЕЕВ

27 августа я приехал на Красную Пресню и увидел объявление, что документы направлены в 1-е Московское артиллерийское подготовительное училище, 1-е МАПУ, которое находится по адресу: Сокольники, село Богородское, ул. Мясниковская, д. 23. Приехал туда, на окраину Москвы, на трамвае и вижу трехэтажное здание. Подошел поближе — висят списки поступивших. А так как фамилия моя Андреев, то она должна быть где-то сверху. Я еле-еле подобрался к спискам и увидел: есть фамилия Андреев!!!

Вот так я и поступил в артиллерийское подготовительное училище. Обыкновенный мальчишка из деревенской школы приехал в Москву поступать в учебное заведение. Никто у меня ничего не выспрашивал, никакие анкеты я не заполнял. Ни о каких знакомых, ни о каком благе, а тем более ни о каких деньгах не было и речи, да и не могло быть.

Глава 2

Первое МАПУ

*г. Москва,
1946–1949 гг.*

СУВОРОВСКОЕ ПЕРЕПОЛНЕНО

В отличие от спецшкол артиллерийские подготовительные училища подчинялись Министерству обороны. И нашими воспитателями и командирами были офицеры. Подготовительные училища были организованы по подобию суворовских, только нас готовили не для пехотных, а для артиллерийских училищ. Подготовительные училища просуществовали с 1946 по 1955 год и при Хрущеве были расформированы.

Надо сказать, что еще в 1943 году я пробовал поступить в Суворовское училище. Приехал в Москву, на Кропоткинскую, где был штаб приема, и в коридоре прочитал, что суворовские училища переполнены и прием в них прекращен. Прочитал я это сообщение, повернулся и уехал домой в деревню, не стал даже в комнату заходить. Много позже, уже будучи взрослым человеком, я не раз оказывался в подобных ситуациях, когда кажется, что все, уже ничего

нельзя изменить, но я уже научился открывать двери и добиваться своего. А в 1943-м мне было только двенадцать лет...

ДВА КАПИТАНА

Среди участников Парада Победы в Москве были два офицера, два капитана. Прямо с парада они приехали в нашу деревню. Один из них был мужем нашей деревенской девушки. Приехали они в деревню — молодые, brave офицеры-победители. Мы, пацаны, глаз с них не сводили. Смотрели даже не на ордена и медали, а на то, как к ним все относились. Это были самые уважаемые гости в деревне.

После этой встречи с офицерами мое желание стать военным еще больше окрепло. Военным я хотел стать с самого детства, хотя среди моих родственников военных не было.

МЕЧТЫ СБЫВАЮТСЯ

В первый день все поступившие, около 600 человек, были распределены по батареям и взводам. Нас разделили на шесть батарей: первая и вторая — 10-й класс, третья и четвертая — 9-й класс, пятая и шестая — 8-й класс. Меня направили в шестую батарею. Так началась моя жизнь в подготовительном артиллерийском училище.

Вместе со мной из Горетовской школы в 1-е МАПУ поступил Виктор Михайлов. Он был круглым сиротой и жил в Бакееве у своей тетки. Мы с Виктором оказались в одной батарее, но в разных взводах: я — в первом, он — в четвертом. В этот же день командир перед строем спросил: «Кто сирота? Кому сегодня некуда ехать?» Михайлов вышел из строя. Таких, как он, собрали отдельно, а остальных отпустили домой на один день.

Я уехал в Бакеево, а часа через три к нам в дом пришел Виктор, уже переодетый в военную форму. В тот момент я был очень недоволен, что не остался в училище, а уехал домой: мне так хотелось побыстрее надеть военную форму. В то время военную форму любили, мы гордились своей формой, нас уважали все мальчиш-

ки и девочки и почти все взрослые. Это была форма победителей в Великой Отечественной войне.

После окончания 1-го МАПУ Виктор был распределен для дальнейшего изучения военного дела в Чкаловское училище зенитной артиллерии (ЧАЗУ). Месяца через два он мне прислал письмо. Написал, что не прошел медицинскую комиссию из-за болезни, которая обнаружилась только в училище. К слову сказать, ЧАЗУ, как и многие другие училища, относилось к разряду «строевых», поэтому медкомиссия была очень строгой. Пришлось Виктору расстаться с армией. В Москве он окончил курсы шоферов (после он рассказывал, как в отделе кадров удивились тому, что он с аттестатом зрелости поступает на эти курсы), вся его трудовая жизнь была связана с автомобилями.

ПЕРВОЕ УВОЛЬНЕНИЕ

Я поступил в училище по собственному желанию. Ни мать, ни сестра не мешали мне, даже поддержали, когда я решил пойти по военной линии. Однако я не думал, что мне так тяжело будет жить вне дома, вне семьи, без матери и сестры, вдали от родных мест.

Всю первую неделю в училище я смотрел в окно в сторону родной деревни, где у меня остались друзья-товарищи, где меня ждали мать и сестра. Через неделю после начала занятий нам дали первую увольнительную и я, уже одетый в форму, поехал домой. В субботу нас отпустили, в воскресенье я должен был вернуться в Сокольники, а вот возвращаться-то мне туда и не хотелось. Не хочется и все! Но увольнение заканчивалось, и я стал собираться в училище, не показывая ни матери, ни сестре свою горечь, свои переживания. Мое душевное состояние изменилось только через три месяца, когда я более-менее привык к новой жизни.

Как-то я недели три или четыре не приезжал домой. Причин для этого было много: наряды, замечания по учебе или дисциплине, участие в спортивных соревнованиях. Кстати, именно в училище я научился играть в баскетбол и шахматы.

У меня была привычка в свободное время смотреть из окна на дорогу, на улицу. Однажды смотрю я в окно и вдруг, глазам своим не верю, — моя мама. Сама ко мне приехала, нашла училище. Я отпросился у преподавателя, побежал ей навстречу. Мама расспросила меня и офицера-воспитателя, не болел ли я и почему меня целый месяц не отпускали домой. Привезла мне в подарок морковки. А что можно было тогда из деревни привезти? Я потом своих ребят морковкой угостил, все с удовольствием погрызли вкусную, свежую, с бакеевского огорода морковь.

УЧЕБА, ЕЩЕ УЧЕБА И НЕМНОЖКО ТАНЦЕВ

Потихоньку я привык и к распорядку, и к учебе. Учиться сначала тоже было тяжело, так как знаний, полученных в сельской школе, не хватало. Но учителя у нас были превосходные, знали много, учили нас с удовольствием, было бы только наше желание. Все наше время было подчинено учебе и изучению военных дисциплин.

Летом мы, воспитанники, месяц были в лагере под Можайском. Лагерь был в лесу, недалеко от Москвы-реки. Жили в палатках, по 10–12 человек, бегали умываться на речку, даже зубы чистили речной водой.

Нам было по 14–16 лет, все из разных семей, с разными обычаями, но для офицеров-воспитателей все мы были детьми войны. Кто во время войны был в Москве, кто в эвакуации, а кто и в оккупации. Основная часть воспитанников была из Москвы и Подмосковья, но были ребята и из других республик и городов Советского Союза. Наш взвод состоял из 25 человек, и у многих отцы погибли на фронте.

Особенно известных личностей среди воспитанников не было, правда, младше меня на год учился сын Кагановича — Юрий. Я его знал в основном по игре в волейбол, в волейбол он играл хорошо. В летних лагерях мы его никогда не видели — Юрий уезжал отдыхать в это время на Черное море.

Самым знаменитым в нашей группе был Борис Камчатный — отличник, окончивший с золотой медалью наше училище.

Первый раз мы слышали о нем, когда нам сообщили оценки за первый диктант, который наша батарея писала 1 сентября 1946 года. Только один из 100 человек получил четверку — это и был Борис Камчатный, двое получили тройки, а остальные — двойки и единицы. Причем у Камчатного в диктанте была только одна ошибка — пропуск запятой. Потом я узнал, что Борис только два года как приехал в Москву с Украины. Он учился в украинской школе и русский язык выучил, написав под диктовку своего отца несчетное количество диктантов. Способности к учебе у Камчатного были неординарные. Знаю, что закончил он с отличием и Артиллерийскую академию им. Дзержинского.

Кроме основных занятий у нас были и факультативные: разные кружки и прочее. Обязательными были уроки бальных танцев. Эти занятия пользовались популярностью, иногда из соседней женской школы приглашали девчонок (тогда девчонки и мальчишки учились отдельно).

Признаюсь, я не любил танцы, для меня лучше было бы почитать или просто побездельничать. Нас обычно всех созывали, а я и еще несколько «уклонистов» в это время прятались в классе, в шкафу. Конечно, нам говорили, что нужно научиться хорошо, красиво танцевать и это нам, будущим офицерам, обязательно пригодится.

А у меня в это время было совсем другое увлечение: в 8-м классе я начал играть в шахматы. И так ими увлекся, что даже иной раз на занятиях играл. Под столом у меня стояли шахматы, я вроде бы смотрел на классную доску, а сам в это время искал лучший вариант решения шахматной задачи.

ЛУЧШИЙ ИЗ ЛУЧШИХ

Как, наверное, было трудно офицерам всех нас научить, обуздать тех, кто не привык к дисциплине. Офицерами были в основном фронтовики, все с наградами, хотя некоторые из них не всегда были хорошими воспитателями. В нашем взводе за три года сменилось три воспитателя...

Мне хочется рассказать о нашем самом любимом, самом лучшем офицере-воспитателе. Это майор Кошкарев, Александр Алексеевич. Он оставил о себе добрую память не только у меня, но и у всех, кто учился вместе со мной.

В нем были собраны все положительные качества мужчины, насколько мы это тогда понимали. Ему было 35–38 лет, стройный, статный, красивый, он был отличным математиком и физиком, закончил пединститут в Краснодаре и во время войны был корректировщиком артиллерийского огня с самолета. Для нас, мальчишек, лишенных войной отцов, он был примером во всем, начиная с того, как он носил военную форму. Он всегда был подтянут, всегда был готов помочь ребятам в учебе, но в то же время был строг, когда надо.

А еще он был спортсменом, он лучше всех в училище играл в волейбол. До войны он выступал за московскую команду «Труд». И вообще, это был очень талантливый человек, с хорошим чувством юмора, сочинял песни — музыку и стихи, писал эпиграммы, был изобретателем и рационализатором.

Через несколько лет после выпуска я, уже будучи капитаном, возвращался с ракетных стрельб в Астраханской области. Я ехал в вагоне, набитом битком молодыми офицерами. Вечером они запели незнакомую мне песню с замечательными словами о будущих офицерах. Я с удивлением узнал, что эта песня — гимн 1-го МАПУ — написана Александром Алексеевичем Кошкаревым, нашим офицером-воспитателем.

СЕКРЕТЫ ЛОГАРИФМИЧЕСКОЙ ЛИНЕЙКИ

Когда Московское подготовительное училище расформировали, Кошкарева перевели в Ленинградское суворовское училище преподавателем математики. Я в это время служил уже под Ленинградом. Приехали мы с женой к нему в гости, и, можете себе представить, после всех расспросов, он поинтересовался у меня, хорошо ли я владею логарифмической линейкой.

— Конечно, — ответил я. Тогда главным оружием инженера была логарифмическая линейка.

— Садись, давай посмотрим, кто посчитает быстрее!

Я струхнул немножко: считал хорошо, но не очень быстро. Кошкарев берет свою линейку, и я вижу, что-то образец у него не такой, какая-то нестандартная линейка. Начинаем считать, он мне дает задание разделить, умножить, корень извлечь, логарифм найти, затем вдруг просит три четырехзначных числа сложить.

— Стоп, Александр Алексеевич, — говорю, — на логарифмической нельзя же складывать!

— Это на твоей нельзя, — сказал он улыбаясь, — а на моей — можно!

И показал мне приспособление, которое позволило и эти операции на логарифмической линейке выполнять.

Вот такой был талантливый человек, очень многому мы у него научились.

ПЕРВОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ

Три года учебы прошли быстро. После подготовительного училища нас распределяли уже в зависимости от оценок. Можно было продолжить учиться в любом артиллерийском училище страны.

Я заканчивал с четверья четверками, остальные — пятерки, и мне предложили поехать в Ленинград во 2-е ЛАУ. Среди нас ходили разговоры, что в этом училище самые строгие командиры и высокие требования к дисциплине. Но это не особенно меня пугало, так как я был достаточно дисциплинированным воспитанником.

За три года я уже кое-что видел в Москве, даже был несколько раз в Большом театре. Но в Ленинграде я никогда не был. Я согласился на предложение и без вступительных экзаменов был принят во 2-е ЛАУ.

Глава 3

Двадцатилетний лейтенант

*г. Ленинград, 2-е ЛАУ,
г. Звенигород, артиллерийский полк,
1949–1953 гг.*

ПРЕКРАСНЫЙ ГОРОД ЛЕНИНГРАД

В августе 1949 года я приехал в Ленинград, одетый еще в форму подготовительного училища, с маленьким чемоданчиком в руках. Мне его дали на выпуске, в чемодане было полотенце, мыло и другая мелочь. Адрес, по которому надо было явиться, мне был известен, время до 24:00 еще было, и решил я по незнакомому городу погулять.

Иду по Невскому проспекту, и кажется мне, что я уже был когда-то здесь. Наверное, картинки из школьных учебников и кинофильмы сделали свое доброе дело. Мой путь в училище был таков: Невский проспект, Дворцовая площадь, Литейный проспект, по Литейному мосту через Неву и в обратный путь — так часа четыре я ходил по Ленинграду.

Я был просто потрясен необычной красотой города. В Ленинград влюбился с первого моего шага по Невскому проспекту и до сих пор считаю, что это один из красивейших городов мира. И никогда не вступаю в такой популярный спор: какой город лучше — Москва или Ленинград.

2-Е ЛАУ: ЧИСТОТА СНАРУЖИ И ВНУТРИ

Второе Ленинградское артиллерийское училище расположено было на улице Войнова. Сейчас этой улице вернули старое, дореволюционное название — Шпалерная. Теперь здесь находится Высшее инженерно-техническое училище, а наше училище в 1953 году было переведено в Коломну и стало называться Коломенским артиллерийским училищем.

Каждую субботу после обеда (до обеда были занятия по расписанию) курсанты занимались уборкой помещений (спальных и классных), проветриванием-выбиванием постельных принадлежностей. Приводили в порядок технику (орудия, тракторы и личное оружие).

Это было важным требованием в училище — боевая техника и личное оружие должны быть всегда в боевой готовности и, конечно, содержаться в чистоте. Так, орудия, с которыми мы проезжали во время парадов по Дворцовой площади, приводились в порядок сразу же по прибытии в ангары. И только после того, как гаубицы освобождены от пыли и грязи не только снаружи, но и внутри, нас отпускали в увольнение.

Сооружения, здания и другие помещения училища были расположены в трех дворах. В углу третьего двора было отведено место для мусора. Это был наш объект уборки, он всегда был закреплен за 113-м взводом (1-й курс, 1-я батарея, 3-й взвод). Каждую субботу, после того как все училище проведет генеральную уборку и сбросит на третий двор весь мусор, мы приступали к его вывозу на городскую свалку. Все курсанты привели себя в порядок и уже уходят в увольнение, а наш взвод еще весь в работе. Обидно, однако! Впрочем, не всегда работы было много, да и очередность дежурств соблюдалась строго.

Чтобы закончить рассказ о тыловых вопросах нашей жизни в училище, надо написать о бане. В баню нас водили один раз в 10 дней, и порядок этот выполнялся строго и неукоснительно. Мылись мы в знаменитых на весь Ленинград Некрасовских банях.

Проходило это мероприятие всегда ночью. Только по-настоящему уснул, команда: «Подъем!» Такая злость в душе была: какая баня???!!! Спать хочется, а надо вставать обязательно. Никакие отговорки не принимались во внимание, и шли мы, понутив головы, по улицам спящего города. Полностью просыпались в бане, после бани настроение улучшалось. Приходили в казарму, скорее спать, а в семь утра снова команда: «Подъем!!!»

В летних лагерях проблема с баней была другая. Нас водили в городскую баню города Луги днем. Идти до нее было 5 километров, часть пути — по грязи и пыли. Возвращались в лагерь мы опять пыльными и слегка грязными.

Наши командиры заботились не только об успеваемости, соблюдении строгой дисциплины, но и о культурном развитии курсантов. Побывали мы почти во всех музеях. Есть у Твардовского в поэме «Василий Теркин» слова «...Теркин отдал дань музеям под командой старшины». Это как раз о нас. Воскресным утром офицеры собирали курсантов на экскурсии. Я всегда участвовал во всех подобных мероприятиях. На какие-то самые интересные мероприятия не все желающие попадали. Так, мне не удалось по жребию попасть на футбол при открытии стадиона им. Кирова, хотя мы, курсанты, помогали при его строительстве.

БОЕВЫЕ СТРЕЛЬБЫ

Самыми запоминающимися во время учебы во 2-м ЛАУ были боевые стрельбы на артиллерийском полигоне под Лугой. Каждому курсанту-выпускнику для выполнения задания — поражения огневой точки условного противника — было выделено семь боевых снарядов гаубицы калибра 152 миллиметра.

Курсант назначался стреляющим, преподаватель — руководителем стрельб. Кроме того, на наблюдательном пункте (НП)

были члены государственной комиссии. Цель нужно было поразить за определенное время.

Орудия стреляющей батареи находились позади НП. Все расчеты для подачи команд осуществлял курсант, цель определял руководитель стрельб, он же совместно с членами комиссии оценивал результат стрельбы с учетом времени поражения мишени, количества выпущенных снарядов, знания и выполнения стреляющим правил стрельбы.

Почти два года мы шли к этому моменту: изучали правила стрельбы, отрабатывали их на учебных полигонах, выполняли многочисленные «летучки» перед занятиями по предмету «Артиллерия» (индивидуальные 5-минутные письменные задания по практическому выполнению правил стрельбы). Поэтому иногда знаки «минус-недолет» и «плюс-перелет» нам мерещились весь день.

На боевых стрельбах впервые будущий офицер оставался один на один с расчетом орудия, который находился вдалеке, на огневой позиции, и приборами на НП; впервые сам определял момент разрыва снаряда и принимал решение по следующему выстрелу. Конечно, излишняя взволнованность мешала показывать отличные результаты.

В училище мы не только постигали науку управления огнем, но и получали навыки работы за каждого номера орудийного расчета. Мы овладели знаниями командиров огневого взвода и взвода управления батареи 152-миллиметровых гаубиц. Также были получены навыки работы за наводчика при боевой стрельбе по движущимся целям из 45-миллиметровой противотанковой пушки.

ПО АЗИМУТУ

Незабываемым было хождение по азимуту ночью по болотистому лесу в лагере под Лугой.

Взвод собрался у костра поздно вечером. Преподаватель разделил нас на пары и выдал каждой паре маршрут движения. Маршрут (длиной 5 километров) был разбит на участки, отмечен-

ные ориентирами. Я шел в паре с Анатолием Белорусцем (будущим зам. начальника НИИ-3 Сухопутных войск). Азимут движения мы определяли по компасу, а расстояние замеряли по средней длине двух шагов.

Июльская ночь была не очень темной, но бездорожье — канавы, ямы, заболоченные места — очень затрудняло подсчет шагов. Иной раз, сбившись, приходилось возвращаться к предыдущему ориентиру и начинать отсчет заново. Никаких посторонних разговоров мы не вели, боясь сбиться с маршрута и заблудиться в большом лесу, что тянулся на многие километры.

Последний участок маршрута был самым трудным: на конце предыдущего участка в задании не было ориентира, к тому же пошел нудный дождь. Все-таки мы правильно вышли на расчетную точку, прочитали в задании: «Записка в отдельной сосне. Записку отдать преподавателю». Осмотрелись вокруг, в темноте казалось, что все сосны — отдельные. Начали их осматривать и ощупывать. И наконец — ура! нашли! В записке одна фраза: «Оценка — “пять”».

Бежим, уже не считая шагов, к костру. Мы были среди первых, кто выполнил задание. Сушимся у костра, встречаем остальных и идем в палатку спать.

Из курсантской песни:

*«Полседьмого мы встаем,
Две минуты на подъем,
Физзарядка, бег и туалет.
Через семь часов обед,
“Мертвый час”, а может нет,
А на ужин — снова винегрет.*

Припев:

*В лагерях комары,
Пилы, грабли, топоры.
Пыль, песок, озера,
Да сосновые боры.*

*Дождь холодный сверху льет,
За шиворот вода течет,
С “удочкой” спешим на арттренаж**.
Арттренаж, арттренаж,
Пробирает нас мандраж.
Рвет бумагу твердый карандаш...»*
Припев.

КАК ЗАСТАВИТЬ ПЕСОК ЗАЗЕЛЕНЕТЬ

В училище была сильная футбольная команда. Как нам говорили, команда была даже чемпионом Ленинградского военного округа в то время, когда в училище учились югославы и в составе команды было много военнотружущих из югославской армии. Был также популярен среди курсантов ручной мяч. В летнем лагере (под Лугой) футбольное поле было на сплошном песке, и поэтому настоящих тренировок у спортсменов не было. Тогда было принято решение — покрыть поле стадиона дерном.

Всем подразделениям были нарезаны квадраты на футбольном поле — дерн надо было найти, выкопать и аккуратно уложить. Почти месяц все взводы в свободное от учебы и службы время ходили на стадион.

Премией за выполненное задание по озеленению стадиона был своевременный уход курсантов в отпуск. И задача была выполнена!

На следующее лето, когда мы приехали в лагерь на боевые стрельбы, футбольное поле зеленело — все прижилось.

* «Удочка» — почти настоящая удочка, с помощью которой преподаватель показывает место разрыва снаряда на ящике с песком в зависимости от команды, поданной при корректировке огня.

** Арттренаж — занятия на ящике с песком, на котором изображен рельеф местности в соответствии с топографической картой.

КУРСАНТЫ — ЗА МИР ВО ВСЕМ МИРЕ

Летом 1950 года наш взвод по графику был выделен для несения караульной службы. Меня определили на пост по охране и обороне склада боеприпасов. Он находился дальше всех постов от караульного помещения. Через сутки нас сменил другой взвод, и я, как и другие караульные, после ужина лег спать (после караула разрешалось не присутствовать на вечерней поверке).

В полночь меня неожиданно разбудили и приказали явиться к старшине батареи.

Я, злой и недовольный — зачем разбудили, захожу в палатку старшины. Старшина батареи Новиков, покашливая, резко, но пряча улыбку, спросил: «Ты, курсант Андреев, за мир или за войну?» Я удивленно ответил: «Конечно, за мир!» И тут выясняется, что моей подписи нет под Стокгольмским воззванием за мир.

Когда сдавали подписи по ведомости — не досчитались одной. Долго искали — кто такой в «отказе», и когда недоразумение выяснилось (забыли опросить дальний пост), меня наконец отпустили досыпать.

УМЕЕМ ВСЕ, ДАЖЕ ЛЕТАТЬ

Как-то зимой физорг нашей батареи собрал физоргов взводов (я был одним из них) и объявил о том, что через две недели состоятся соревнования между батареями училища по прыжкам с трамплина на лыжах, и дал нам время выявить среди курсантов возможных участников. Желających прыгать с трамплина в батарею не оказалось. Тогда комбат сказал, что в соревнованиях будут участвовать физорги взводов. Мне пришлось вспомнить свои деревенские лыжные подвиги.

В детстве катание с горок было нашим любимым занятием, так как просто ходьба на лыжах нам была не очень интересна. Из снега и сучков ольхи делали небольшие трамплины и устраивали соревнования на дальность прыжка. После первых попыток определялся аутсайдер, который ложился под трамплин, и все прыгали

через него, пока кто-нибудь не заденет лыжами лежащего. Прыжки продолжались до тех пор, пока все участники не лягут под трамплин.

Соревнование по прыжкам с трамплина было проведено в знаменитом местечке Кавголово под Ленинградом. Это уже были не горочки, а солидная гора с трамплином. Как я помню, трамплин, на котором проводились соревнования, был рассчитан на максимальный прыжок в 30 метров.

Я тогда впервые увидел лыжи для прыжков и специальные ботинки. Раза три-четыре участникам удалось провести тренировочные прыжки. На тренировках я освоился с трамплином и снаряжением. Удивительно, но никто ничего не сломал — все приземлялись живы-здоровы. А один курсант из батареи даже занял первое место по училищу.

ГДЕ СЛУЖИТЬ?

Во 2-м ЛАУ я учился два года и в 1951 году стал лейтенантом. Да, два года в училище пролетели очень быстро. И снова вопрос: где придется служить? В последний год к нам часто приезжали выпускники предыдущих лет, каждый из них агитировал за свой округ. Особенно большая агитация была в Группу оккупационных войск (позже Группа советских войск) в Германии.

В августе 1951-го наше училище готовилось к выпуску. Уже были сданы выпускные экзамены и в Москву был отправлен проект приказа о назначении нас на должности и присвоении воинского звания. Последнюю неделю все выпускники жили в спортивном зале, потому что основные корпуса училища начали ремонтировать для нового пополнения. Форма у нас была уже офицерская, а погоны — еще курсантские. Эти дни были самыми свободными за два года: мы были предоставлены самим себе, и именно в эти десять дней больше всего узнали о Ленинграде. Мы пропадали в музеях, смотрели фильмы, могли сами распоряжаться своим временем, надо было только вовремя вернуться.

Перед составлением проекта приказа нас собрали всех в спортзал, поставили доску, написали на ней военные округа (в то

время их было двенадцать) и против каждого округа — число мест, выделенных для наших выпускников.

Распределение было настолько демократичным, настолько свободным, простым и понятным всем, что обиженных не было. Сначала вызвали наших отличников, тех, кто окончил училище по первому разряду (первый разряд — училище заканчивалось со всеми пятерками, второй — на четверки и пятерки, третий — с тройками). Отличников было десять человек, они выбрали себе Ленинградский, Киевский и Одесский военные округа. Это считалось самым хорошим распределением.

Остальным начальник училища, который руководил распределением, предложил подойти к своим офицерам и высказать свои пожелания о месте службы. Было известно, что 75% мест — в Группе советских войск в Германии. Я подошел к своему командиру взвода Бакетову и сказал, что уже пять лет живу в казарме и еще на пять лет в казарму, в Германию, ехать не хочу. А там действительно в это время были очень строгие порядки: семью брать нельзя, из городка выйти нельзя. Единственное преимущество — офицеры получали значительно больше денег, чем те, кто служил на территории Советского Союза.

— Тогда в Прибалтийский округ, — сказал командир. Я согласился. Прибалтика мне казалась нормальным местом для жизни и службы.

— Впрочем, есть еще одно-единственное место — в распоряжение Командующего артиллерией Советской армии.

— Что это за место? Где это? — спросил я, но никто не мог сказать точнее. Поговаривали, что можно оказаться в любой точке от Бреста до Камчатки.

— Пишите меня, — сказал я, и офицер с большим удовольствием вписал мою фамилию. Наконец-то он пристроил кого-то на место, в которое ехать никто не хотел.

Получив назначения, мы разъехались в отпуска. Для тех, кто ехал в Германию, отпуск был 45 суток, для остальных — 30.

Приехал я домой, в свою деревню, провел отпуск и в положенный день отправился в Москву по указанному адресу — на новое место службы.

Управление кадров артиллерии находилось в одном здании с академией Дзержинского. Прихожу в бюро пропусков, соединили меня по телефону с полковником Поповым, я ему представился и доложил о прибытии. Узнав, что мне есть где остановиться в Москве, полковник предложил приехать через неделю.

— Как же быть? У меня в отпускном билете написано, что отпуск закончен, — говорю я.

— Все нормально будет, — успокоил полковник, — никто вас не задержит, если вы сами куда-нибудь не влезете, и ссылайтесь, если что, на нас.

И не стали в документах исправлять, что отпуск продлен.

Прошла неделя, приезжаю снова, и то же самое повторяется — говорят, еще недельку можете погулять. Я опять вернулся домой. Мать смотрит на меня как-то странно, вроде я никому и не нужен.

Приезжаю еще раз, и просят меня подождать еще дня два. А у меня уже деньги кончились отпускные! Хорошо, что через два дня вся эта неразбериха закончилась. Я пришел в отдел кадров, выходит ко мне старшина и ведет по каким-то этажам, коридорам, понятно было, что это территория академии. Привел в комнату, там сидел седой полковник лет пятидесяти. Усадил он меня в кресло, выслушал, что я ему рассказал о себе, и предложил место техника на одной из кафедр в академии с предоставлением общежития в Москве.

— Работать будете на кафедре, и знания, полученные по специальности в училище, здесь едва ли пригодятся, — сказал полковник.

Услышал я эти слова, вспомнил помощников преподавателей в училище, которые, на мой взгляд, в основном приборы готовили для проведения занятий, и ответил:

— Товарищ полковник, я хочу быть командиром взвода.

Он улыбнулся, посмотрел на меня так, как пять лет назад смотрел на меня преподаватель перед моим вступительным сочинением про артиллерию, и не стал меня уговаривать. Поднял трубку и говорит начальнику отдела кадров: «Давай отправим этого мальчугана в полк».

ИСПЫТАНИЯ НА ЯКУНИНСКОЙ ГОРЕ

Так получил я назначение в воинскую часть в Звенигороде, что под Москвой в шестидесяти километрах. Вышел из здания академии, добрался до Белорусского вокзала, сел в электричку и через час приехал в Звенигород. Уже темнело, это был октябрь, все вышли из электрички и куда-то бегут. Я тоже бегу и спрашиваю: «А где же Звенигород?» Оказывается, надо еще три километра ехать на автобусе. Сел в автобус, приезжаю в центр Звенигорода — опять все разбежались, а я один остался посреди площади и не знаю куда идти.

Вижу, капитан идет, я к нему обратился, и он подсказал: моя воинская часть километра за четыре отсюда и туда идет машина. Это уже был не автобус, а просто крытая полуторка. Большой свой чемодан я забросил через борт, мне помогли залезть, и потом попутчики подсказали, где выйти. Постучали водителю, я выскочил, машина сверкнула фарами и уехала дальше по шоссе. Я оказался в полной темноте, ничего не вижу. Как мне объяснили, надо было идти направо, вроде бы там должна быть дорога.

Шагнул вправо — оказался по колено в грязи, с трудом нашел дорогу и пошел по ней в полной темноте. Потом меня догнала машина, в которой ехали солдаты, они втянули меня в кузов и привезли на КПП.

Захожу в маленький домик на КПП: печка топится, в комнате на койке лежит старший лейтенант с оружием и при повязке — дежурный по части, справа солдат, который работает на коммутаторе.

Увидел я этого лежащего офицера, увидел печку, посмотрел на свои грязные-прегрязные сапоги, вспомнил, что только четыре часа назад был в самом центре Москвы, вот тут-то я и подумал, что

зря, наверное, слишком поспешно и без совета со старшими товарищами отказался служить в Москве. Однако дело было сделано. (Когда позже я рассказывал эту историю своим офицерам, никто не верил, чтобы кто-то по своей воле из Москвы уехал.)

Командир части принял меня очень хорошо, подробно поговорил со мной, объяснил, что все офицеры живут на частных квартирах в деревне. И так как было уже поздно идти в деревню, искать место для ночлега, командир позвонил старшине, попросил устроить меня на ночлег в свободной землянке.

Наш полк стоял на Якунинской горе. Внизу Москва-река, наверху расположен наш полк, и на склоне этой горы вырыты землянки. Так что первую ночь в части я ночевал в землянке, впрочем, землянка была достаточно благоустроенная: и кровать была, и тепло было. Утром пошел докладывать о прибытии непосредственно к начальнику. Вот так началась моя армейская служба в артиллерийском полку.

В январе 1952 года к нам в часть еще пришли молодые лейтенанты. Согласно приказу министра обороны, всех лейтенантов, которые попали после выпуска в нестроевые части, вернули в строевые. Сразу стало веселее, молодых офицеров стало больше, мы,

холостяки, держались вместе. Я подружился с одним лейтенантом из соседней батареи, Володей Зубниным. Мы с ним нашли комнату в деревне, немного обжились, купили все что надо.

Распорядок дня для офицера был обычно таким: приходили два раза в неделю к шести или восьми утра, а уходили не раньше восьми вечера, а часто и до одиннадцати приходилось задерживаться. Служба была нелегкая, но она показала нам в то же время, чего мы стоим, чему научились в училище, как можем применять полученные знания.

МОЙ ВЗВОД

Взвод управления батареи состоял из радистов, телефонистов, прибористов и других специалистов. Всего 15–18 человек. Для

перевозки имущества и людей взводу была придана автомашина «студебеккер». Но использовать ее можно было только по распоряжению комбата. Во время боевых стрельб главной задачей взвода была передача команд и распоряжений с наблюдательного пункта батареи на огневой взвод, орудия которого выполняли стрельбы на огневой позиции.

Солдаты взвода были моими одногодками с образованием 5–7 классов и до армии уже работали на заводах, фабриках и в колхозах. Это были дети войны. Они привыкли к трудностям военного времени и легко переносили тяготы военной службы. Призывались из Удмуртии, с Донбасса, Западной Украины и из республик Закавказья. Никаких национальных конфликтов в нашем взводе не было.

Очень трудолюбивыми были ребята из Удмуртии. Что касалось рытья окопов, вытаскивания машин из бездорожья — в этом они были первыми. Мужественно переносили длительные переходы. Украинцы — хозяйственные, основательные — вечерами любили петь свои мелодичные песни, слаженно и взволнованно.

Хорошее воспоминание оставил рядовой Мамедов из Азербайджана. Весельчак, всегда с улыбкой, исполнительный, необидчивый, любимец товарищей и командиров. Он единственный из взвода имел медаль «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.» и носил ее с гордостью. Русским владел слабо, но все понимал. Любимая его команда была — «построение на обед». Южанам было особенно тяжело зимой — холодно.

Как-то после удачных стрельб мы решили сфотографироваться всем взводом. Я заметил, что Мамедов, расталкивая всех, подошел и сел рядом со мной. Как он потом мне объяснил, для него это было очень важно, потому что «отец увидит, что я с командиром рядом сижу — значит, хорошо служу!»

Был у меня во взводе младший сержант Мочеидзе из Грузии, он закончил школу сержантов. Однажды, когда я готовился к занятиям, попросил его помочь мне с тригонометрическими задачками. Он помялся и сказал: «Извините, товарищ лейтенант, в школе я не учился, мне отец просто диплом купил». Этот младший сер-

жант постоянно убегал в самоволку. За это попадало и мне, и ему, но больше ругали меня.

Как-то после очередного «забега» вызвал его и сказал: «Если ты еще раз уйдешь без моего разрешения в город, я вынужден буду написать о твоей плохой службе твоему отцу». Недели через три он все равно ушел без спроса. Я отослал письмо его отцу, а потом узнал, что совершил большую ошибку. Оказывается, командиру нельзя сообщать семье солдата о его проступках и таким образом перекладывать трудности воинского воспитания на плечи родителей. Вскоре меня со взводом отправили в командировку на полгода в Ленинград. Мочеидзе я с собой не взял и не знаю, подействовало ли это письмо.

СОЛДАТСКИЙ ЦИРКОВОЙ НОМЕР

Как-то перед праздником собрали молодых офицеров в клубе и сказали, чтобы мы поискали среди солдат тех, кто сможет выступить в концерте художественной самодеятельности. Я поговорил со многими, желающих выступить не оказалось. Но спустя какое-то время подходит ко мне рядовой Павлов из Донецка и говорит, что он из артистической цирковой семьи и может показать свой номер — выпьет на сцене ведро воды. Я, не без сомнения, согласился на это выступление. Для резерва начал готовить свою программу — чтение военных стихов Константина Симонова.

Наступил срок контрольного прогона подготовленных номеров. Перед сценой — комиссия из клубных специалистов во главе с замполитом полка. Подошла очередь нашего взвода. Я прочитал стихотворение «Женщине из города Вичуга» и объявил солдатский цирковой номер. Павлов вышел на сцену и кружку за кружкой начал пить из ведра воду.

Сначала комиссия и присутствующие в зале наблюдали процесс с интересом. Потом зашевелился замполит и начал подавать мне знаки о том, что надо заканчивать номер. Я подошел к «артисту» и передал эту просьбу. Павлов сделал еще несколько заходов кружкой, нажал рукой на какое-то место в своем животе — и все

выпитое вылилось моментально на сцену. Раздались аплодисменты и вздохи облегчения членов комиссии.

На итоговый концерт номер не прошел.

ТЯЖЕЛО В УЧЕНИИ

Первую зиму под Звенигородом мне со взводом пришлось участвовать в полковом учении, которое проходило в нескольких километрах от расположения части, и в обеспечении стрельб Артиллерийской академии им. Дзержинского на Алабинском полигоне.

Полковое учение прошло для взвода удачно. Свою задачу — выбор места для наблюдательного пункта, его оборудование и установление связи с огневой позицией — мы выполнили на «отлично».

А две недели на полигоне в Алабине запомнились мне двумя моментами.

Первый — размещение офицеров и солдат было такое стесненное, что офицеры спали тремя ярусами — второй, первый и нулевой, на полу. Но так как в основном мы были на позициях (в том числе и ночью), то главное было успеть высушить валенки и одежду.

Второй момент касался меня лично. Поздно вечером, проверяя готовность взвода к выполнению задач следующего дня, я обнаружил, что в радиостанции «РБ» отсутствует кабель питания. Поиски не дали никаких результатов. Командир отделения повторял одно и то же: кабель был! Видимо, в неразберихе переезда потерялся.

Доложил комбату, и он принял решение — отправил меня в звенигородскую часть за запасным кабелем. В три часа ночи после утомительной дороги: попутка, электричка, 7 километров пешком — я добрался до казармы полка. Разбудил начальника связи — вскрыли склады, нашли запасной кабель, и я рванул в обратный путь. К построению успел и тут узнал, что пропавший кабель нашелся. Разбираться в причинах исчезновения-появления злополучного кабеля я не стал, но для себя сделал вывод — надо усилить контроль и проверку подготовки к следующим переездам.

ПЕСНЬ О НОВЫХ БОТИНКАХ

Изредка (не чаще одного раза в месяц) удавалось поехать в Москву в театр, встретиться со знакомыми. Еще реже ездил домой в родное Бакеево — хотя по карте по прямой 25 километров, но нужно было ехать через Москву, а значит, тратить много времени (часа четыре только в одну сторону).

Особенно памятна мне одна поездка в Москву, в театр. Перед поездкой я купил новые ботинки, чтобы в них пойти в театр. После спектакля успел на последнюю электричку и около полуночи вышел из нее на станции Звенигород. Новые ботинки оказались мне не по ногам. Пришлось до дома по зимней дороге почти бегом бежать в одних носках. В ботинках идти не было никакой возможности: кровавые мозоли на ногах не позволяли обновку даже надеть!! Еле-еле добрался до квартиры.

Поставил будильник на семь утра (у меня в восемь должны были быть занятия с солдатами по тактике) и мгновенно заснул. Через какое-то время проснулся — показалось, что уже четверть восьмого, начал одеваться, слышу голос хозяйки из соседней комнаты: «Куда в три утра собираешься?» Посмотрел хорошенько на часы и понял, что только без двадцати три, с радостью разделся и лег спать. Опять проснулся — девять утра. Проспал!

Кляня всех и вся на свете, а больше себя (и новые ботинки), поплелся на службу — спешить было уже поздно.

Вхожу в казарму и вижу: мои подчиненные спокойно сидят в коридоре на подоконниках, одетые и во всем снаряжении. Мудрый был комбат, не стал меня подменять, не стал солдат заводить в класс, а заставил их ждать меня в коридоре — чтобы я прочувствовал свою вину.

Таков был результат культпохода в московский театр, молодецкого сна и непродуманного решения надеть новую обувь. Было и еще одно наказание — сошли ногти на больших пальцах (потом выросли новые).

ДЕЖУРНЫЙ ПО ПАРОВОЗУ

С середины мая мы уезжали в Гороховецкие лагеря под Горький и возвращались в середине октября — все лето были на учениях. В Звенигороде оставалась только квартирно-эксплуатационная служба.

На полигон выезжали железнодорожным эшелоном. Полк должен был обеспечивать боевые стрельбы, которые выполняли слушатели артиллерийской академии.

Во время движения эшелона (до лагеря эшелон шел двое суток) меня назначили дежурным по паровозу. Я сначала думал, что это шутка — в уставах такой должности нет, да и у меня уже был опыт переезда в эшелонах. Меня успокоили, объяснив, что в нашей части так принято и что выполняют эти обязанности только молодые лейтенанты.

Я должен был докладывать дежурному по эшелону об остановках и времени стоянки эшелона. В кабине машиниста место было только для двоих: машиниста и его помощника, который бросал в топку уголь. А я стоял, вжавшись в угол, и смотрел, как они работают. Иногда, по моей просьбе, мне разрешали работать лопатой, что вносило разнообразие в выполнение моих служебных обязанностей. Одно было плохо — в мои летние брюки и гимнастерку крепко въелась угольная пыль, отстирать было очень тяжело.

КОСТЕР В ПАЛАТКЕ

В лагере взводу поручили работу по обслуживанию винтовочного полигона. Прежде чем проводить боевые стрельбы, слушатели академии тренировались на винтполигоне. В мои обязанности входило обучение подчиненных правилам работ на винтовочных установках, обеспечение порядка на полигоне, в том числе и обеспечение безопасности во время стрельб.

В лагере солдаты и офицеры жили в палатках, а в щитовых домиках были размещены санитарная часть, столовая, руководство полка и дивизионов. Ранней весной и поздней осенью в палатках было холодно, особенно ночью и в дождливое время.

Мы изобрели такой способ обогрева (никому о нем не рассказывая): закрывали плотно палатку, зажигали на земляном полу костер из смятой бумаги, грелись, потом быстро раздевались, укрывались одеялом и шинелью с головой и пытались уснуть. Один из нас был дежурным, он следил за костром и дождавшись, когда тот погаснет, засыпал.

«ВЕРНУТЬ ЛЕЙТЕНАНТА АНДРЕЕВА В ЧАСТЬ»

В лагере, соприкоснувшись с жизнью и учебой слушателей Артиллерийской академии им. Дзержинского, я подумал, не попытаться ли и мне поступить в эту академию. В то время молодой лейтенант мог подать рапорт в академию спустя один год службы. Я хотел учиться дальше. Военная академия давала высшее военное образование.

Наш преподаватель по литературе в 1-м МАПУ, Александр Васильевич Рождественский, не раз повторял: «Вы закончите училище, будете офицерами, но этого совершенно недостаточно для того, чтобы быть образованным человеком. Надо учиться дальше». При этом он любил цитировать Петра I: «Фендриков (молодых офицеров) надо учить, ибо чего умного может сказать фендрик фендрику».

Не хотели меня отпускать в части, отговаривали, но я подал рапорт в академию им. Дзержинского на баллистический факультет, сдал окружные (предварительные) экзамены.

На мандатной комиссии мне сказали: «Вы прошли первый этап, но ввиду того, что в Артиллерийскую академию им. Дзержинского подали рапорта фронтовики и им уже 31 год — критический возраст для поступления, мы предлагаем ваше поступление перенести на следующий год». Один из членов комиссии (полковник в авиационной форме) тут же предложил мне переписать рапорт в АРТА (Харьковскую радиотехническую академию). Я отказался. Меня попросили выйти в коридор и еще хорошенько подумать. Вот стою я, огорченный и опустошенный неожиданным отказом в поступлении, и смотрю бездумным взглядом на внутренний двор

штаба Московского военного округа. Вдруг выходит из комнаты секретарь комиссии, выругал меня, как следует:

— Ну, как же Вы не понимаете, это новая академия с новыми возможностями.

— Но я же артиллерист, а не радиотехник!

— Ничего, переучитесь, это сейчас самое перспективное новое направление в войсках.

В общем, послушался я его, переписал рапорт — тут же, на широком подоконнике. Перед самым Новым годом пришло распоряжение зачислить меня кандидатом для поступления в Артиллерийскую радиотехническую академию, которая находилась в Харькове. Срок прибытия был указан: 5 мая. Я начал подготовку к экзаменам.

В январе 1953 года вызывает меня командир полка и спрашивает, сколько мне времени надо, чтобы подготовить взвод к поездке в Ленинград, в командировку на полгода. Я говорю, за два часа уложимся. И к вечеру уже был с солдатами в поезде Москва—Ленинград. Мой взвод был откомандирован в расположение вновь открывшегося Ленинградского филиала академии им. Дзержинского.

Каждый день после отбоя я готовился к экзаменам к харьковскую академию. Было немного легче, чем в Звенигороде. После семи вечера, как правило, я уже мог садиться за занятия, мне никто не мешал. Только перед майскими праздниками дозвонился до командира, и он разрешил мне оставить взвод на сержанта до приезда сменщика. 30 апреля мне выдали документы, что я имущество взвода сдал, и я получил предписание явиться в Харьков.

У нас в части в Первомайские праздники все, кто был свободен от службы, выезжали в Звенигород на футбольный матч «Воинская часть — Команда г. Звенигорода». И вот, после матча все, кто поступал в разные академии, собрались на проводы и пригласили командира полка. Собралось всего человек 15, в основном наши командиры, все, кто с нами вместе служил. Первый тост произнес командир: «Выпьем за то, чтобы вы не возвращались в часть».

Вот с таким напутствием мы и уехали. А через несколько дней вызывает нас начальник курса в АРТА и зачитывает телеграмму: «Для обеспечения стрельб артиллерийской академии вернуть лейтенанта Андреева и лейтенанта Кулика в часть».

Полковник посмотрел на нас, на наши тощие личные дела, в которых, видимо, не нашел ничего отрицательного, и сказал:

— Выдержите экзамены — останетесь, а не сдадите — поедете обслуживать стрельбы.

Глава 4

АРТА

*Артиллерийская радиотехническая академия,
г. Харьков,
1953–1958 гг.*

ТРИ ТОВАРИЩА

Нас было трое из Звенигородского артполка: Владимир Кулик, Александр Рудь и я, — трое лейтенантов, приехавших в Харьков сдавать экзамены в Артиллерийскую радиотехническую академию им. маршала Советского Союза Говорова (АРТА). Перед экзаменами я с Куликом заехал к матери в Бакеево, на Первомайские праздники. Потом моя мать рассказывала, что когда она чистила наши фуражки, то с удивлением обнаружила, что у Вовкиной фуражки в некоторых местах даже пружины выглядывали. В то время у артиллеристов не было выходного обмундирования, к тому же лейтенант Кулик был лучшим командиром взвода и чаще других участвовал в стрельбах на боевых позициях. Надо сказать, что Володя был племянником маршала Советского Союза. Но эту тему мы с ним никогда не обсуждали, а я не задавал лишних вопросов.

АБИТУРИЕНТСКИЕ БУДНИ: ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ

Разместили поступающих в казармы недалеко от площади Рудьева. Состав абитуриентов был очень разный: радиолокаторщики, артиллеристы, моряки и даже офицеры из стрелковых частей. Распорядок дня был нацелен на усвоение подзабытых основ средней школы, с упором на математику, геометрию, тригонометрию, физику и русский язык: с 9 до 16 самоподготовка, а с 18 до 22 занятия с преподавателями, и так — в течение месяца. Распорядок соблюдался строго, нарушителей отчисляли без особых разбирательств.

Уезжали и те, кто получал на экзаменах двойки. Оценок, полученных на вступительных экзаменах, не объявляли.

Но у нас имелись свои источники информации о наших оценках. Был среди абитуриентов Ким Тоболев — выпускник 1-го МАПУ 1947 года, медалист. Его сочинение за 10-й класс в училище приводили как образец пятерки по русскому языку. Он, как медалист, был принят в академию без экзаменов. Так вот, Ким познакомился с девушкой, которая работала секретарем в приемной комиссии. Она-то нам и рассказывала о наших экзаменационных оценках. Я сдавал все на «четыре» и «пять».

КОВАРНАЯ ФИЗИКА

Экзамены шли целый месяц. Надо было сдавать и такие предметы, как химия, немецкий язык. Наконец остался только один экзамен — физика. И тут я, зная, что мне для поступления достаточно получить тройку, расслабился... И вдруг — двойка! В нашей группе из двадцати человек «неуд» получили семнадцать.

Среди тех счастливиц, кто в тот день получил тройку, был Фаршат Гилязов. Позже я служил с ним в одном отделе на Балхашском полигоне. Он часто вспоминал этот случай и очень гордился, что сдал тогда экзамен.

Однако вернемся к тому злополучному дню, когда я провалил физику. Как ни странно, ни в этот вечер, ни на следующий

день мне и моему товарищу по поступлению Мише Воскобойникову не принесли документы на отчисление.

Поступившие уже начали разъезжаться, а мы ждали неизвестно чего. Это была критическая неделя. Пока наверху решали нашу судьбу, я много читал: журналы, газеты, книги и все, что попадалось под руку. Ничем другим заняться не мог, да и деньги были на исходе.

Наконец нам объявили решение: нас оставляют кандидатами с обязательством пересдать физику в сентябре.

Когда я приехал домой в деревню, рассказал свою историю с физикой родным. С собой я взял учебник по физике Соколова в трех томах, чтобы попытаться разобрать все сначала. Но отпуск есть отпуск. Учеба как-то не пошла: пролистал все тома, вроде все знаю, с трудом заставил себя проработать материал по тем вопросам, на которых я погорел. И почему-то успокоился. Во время отпуска помогал матери и сестре по хозяйству: накопил траву для козы на зиму, нарубил дров. В общем, было чем заняться кроме физики...

1 сентября 1953 года я уже стоял в строю первокурсников. Через неделю нас, бывших двоечников-«физиков», собрали в аудиторию. Мы с тетрадями, ручками, линейками и с легким ужасом на сердце приготовились к пересдаче экзамена. Преподаватель задает вопрос: «Что такое индуктивность и в каких единицах она измеряется?» Я, как и другие, робко поднял руку. Начал отвечать Миша Воскобойников, я дополнил его ответ. И преподаватель сказал, что мы можем идти. Для нас, хотя мы и не осознали это в первую минуту, вопрос был решен: мы полноправные слушатели академии!!!

СЛУШАТЕЛЬ АКАДЕМИИ

В первую неделю на первом курсе нам читали в основном вводные лекции. Эта неделя была самой легкой, самой беспечной, самой свободной из последующей пятилетней учебы. Разве могла быть мне в тягость вводная лекция по физкультуре, на которой рассказывалось о правилах игры в волейбол и баскетбол?

Когда я выходил после лекций из здания академии, у меня с собой был портфель и больше никаких забот: я был молод, холост, жил в общежитии, денег на питание в основном хватало, ни за кого, кроме себя, я не отвечал. В моем распоряжении был большой красивый город, с его возможностями и соблазнами.

В тот момент мне вспоминалась жизнь в звенигородском полку: постоянные обязанности и забота о подчиненных солдатах, ежедневная борьба за выполнение нормативов, беспокойная лейтенантская служба. Неудивительно что аббревиатуру КВ (командир взвода) мы расшифровывали как «Кругом Виноват»...

Позже, когда учеба вошла в нормальное русло, у меня появилась ответственность за своевременное выполнение контрольных и лабораторных работ, сдачу в срок зачетов, чертежей. Легко не было. На первом курсе меня очень мучило черчение, на старших курсах были трудности со спецпредметами. Тем не менее, все семестровые экзамены и зачеты я сдал с положительными отметками, ни одного провала за пять лет не было.

К окончанию академии у меня было шесть троек, пять четверок, ну а остальные были пятерки.

КАМБОДЖИК

Учеба есть учеба. Экзамены как вступительные, так и семестровые были всегда очень серьезным испытанием. Никаких письменных ответов, а тем более каких-либо многовариантных тестов не предполагалось. Знания на экзаменах проверялись основательно, на каждого слушателя академии преподаватель тратил не менее двух часов.

Однако даже на самых серьезных экзаменах бывали моменты, когда хотелось посмеяться не только слушателям, но и преподавателям, хотя участникам этих эпизодов было совсем не до смеха.

На вступительных экзаменах устную математику я сдавал преподавателю Барабашевой. После того как я по билету ответил как положено, она написала число со знаком модуля и спрашивает:

— Что это такое?

— Это число без знака, — говорю я.

Мой ответ привел ее в изумление.

— Как без знака?! — прикрикнула она на меня неожиданно громко.

Все притихли, потом начали смеяться, а я в ужасе думаю: «Как я мог сказать такую чушь?» Потом, конечно, разобрались, что я понимаю, что такое модуль, просто случайно ошибся.

А вот другой случай. На экзамене по военной географии преподаватель задает слушателю дополнительный вопрос. Показывая указкой на страну Камбоджу в Юго-Восточной Азии, он спрашивает: «Как называется это страна?» Слушатель всматривается в карту, видит начальные буквы, а остальные быстро додумывает: «Камбоджик!» Преподаватель, желая помочь: «Повторите еще раз». Слушатель смело отвечает: «Камбоджия».

Все в аудитории дружно смеются.

ЗНАМЕНАТЕЛЬНАЯ ВСТРЕЧА

Главным событием в жизни в этот период была для меня женитьба. Нас, лейтенантов, еще в части предупреждали, что жениться лучше на третьем курсе академии, когда уже втянешься в учебный процесс. Впрочем, большинство нашей группы на первом курсе было уже женато, у многих были дети, и только шесть человек оставались холостяками.

Со своей будущей женой я познакомился через неделю после приезда в Харьков.

Во время поступления мы каждый день были заняты подготовкой к экзаменам, а в первое же свободное воскресенье пошли в парк Горького, играли в волейбол, перекидывали мяч по кругу. Я сразу приметил среди девушек самую красивую — жизнерадостную смуглянку Люсю, которая через полтора года стала моей женой. И в 1956 году у нас родилась дочка.

Рождение первого ребенка — большое счастье для родителей. Когда я в первый раз держал в руках свою дочку, которую мне передала медсестра из роддома, я был очень взволнован, немного растерян и испытывал необыкновенные чувства, которые могут прийти только мужчине, отцу ребенка.

С появлением семьи, а тем более с рождением дочери появились и другие заботы, главной из которых было найти удобную комнату в частном секторе. Я до сих пор вспоминаю первую нашу комнату: 8 квадратных метров на окраине Харькова, в поселке за электромеханическим заводом. Трудная была жизнь. Я все время был занят в академии, да и жить на съемной квартире ох как непросто. Все не свое, все время что-то не туда поставил, не то взял, не так вошел, не так ушел. Жили мы на трех или четырех съемных квартирах (конечно, и хорошие хозяева попадались), но только на пятом курсе дали нам свою комнату в общежитии.

Наш выпуск по каким-то причинам задержали на четыре месяца. На нашем факультете это время было использовано для изучения нового варианта зенитно-ракетного комплекса.

Меня опять ждала войсковая жизнь.

НЕЧАЯННЫЙ ПОДАРОК

В конце июля 1955 года я поехал в отпуск на родину с молодой женой, хотел познакомить ее с моими родственниками и показать Москву, в которой она до этого ни разу не была.

Знакомство с Москвой начали с футбола. Он в то время был очень популярен. Почему именно с футбола? Просто в тот день, когда мы приехали в Москву, на стадионе «Динамо», который тогда был одним из лучших в столице, должен был состояться матч знаменитой английской команды «Волки» со сборной клубов Москвы.

Я предполагал, что достать билет на эту игру будет очень и очень трудно, практически невозможно. Но мы все же решили доехать до стадиона, наверно, рассчитывая на чудо. Приехали за два часа до начала. Нас сразу же ошеломили тысячные толпы болель-

щиков, конная милиция и длинные-предлинные очереди в кассы, в которых билеты уже заканчивались. Бесполезно потолкавшись, мы с женой были вынуждены уехать.

Удрученные неудачей, мы направились к родственникам, которые жили на 1-й Мещанской. Я был не очень доволен, о чем-то ворчал про себя. Высказал вслух мысль о том, что если бы я был один, то, может быть, как-нибудь удалось бы пройти на стадион. Вспомнил, что, когда мы учились в 1-м МАПУ, нас, мальчишек в военной форме, иногда пропускали просто так. Жена, конечно, обиделась, и ситуация складывалась не очень приятная. И вот идем мы по тротуару, опустив головы, каждый думает о своем.

И вдруг... прямо перед нами останавливается «Победа», выходит из нее морской офицер и спрашивает, не нужны ли нам два билета на сегодняшний матч. Я растерянно пробормотал, что мы только что вернулись со стадиона ни с чем. Горячо поблагодарив его за самый лучший в ту минуту подарок, мы с женой, развернувшись на 180 градусов, радостные и довольные, поехали на «Динамо».

Я до сих пор не могу объяснить этот случай. Как он мог произойти? По тротуару в тот день шли целые толпы народу, почти все — на стадион. Вся Москва хотела попасть на этот матч. Почему та машина остановилась именно около нас — не знаю, но я до сих пор благодарен этому человеку.

Глава 5

На охране воздушных рубежей Ленинграда

*83-я зенитно-ракетная бригада
6-й Отдельной Ленинградской армии ПВО страны,
г. Зеленогорск под Ленинградом,
декабрь 1958 — март 1961 г.*

МОЙ «ПОЕЗД»

В конце декабря, после окончания Артиллерийской радиотехнической академии я прибыл в войсковую часть, штаб и объединенный городок которой находились в шести километрах от Зеленогорска, недалеко от озера Красавица.

Первой радостью было получение жилплощади на семью: две комнаты в трехкомнатной квартире трехэтажного здания, только в 1958 году сданного в эксплуатацию. Третью комнату занимала семья офицера, прибывшего из Ленинграда. На Новый год я был отпущен в Харьков, нужно было перевезти семью на новое место службы.

3 января 1959 года Ленинград встретил молодую семью Андреевых пасмурной погодой, низкими темными облаками. (И это после солнечного Харькова!) Да и настроение было не очень: перед отъездом сильно заболела дочка (она очень часто заболела как раз в то время, когда надо было куда-нибудь ехать). Даже решался вопрос: ехать с ней или подождать до выздоровления. Были приняты всевозможные меры по лечению, и мы отправились в путь.

В вагоне поезда из вещей с нами были два чемодана и санки. Остальное было отправлено контейнером.

Надолго запомнилась такая картина. В Зеленогорске садимся в автобус, через несколько минут выходим на остановке «Шестой километр», а оттуда по узенькой тропинке около километра едем уже своим «поездом»: я везу санки с двумя чемоданами, на них восседает довольная дочка трех лет, замыкает шествие жена. А вокруг лес и снег глубиной полтора метра.

Так началась жизнь и служба в большой, только что организованной воинской части, которая вместе с другими частями была поставлена на охрану воздушных рубежей Ленинграда.

«ЗДРАВСТВУЙТЕ, ТОВАРИЩИ ДЕТИ!»

Командиром бригады был в то время полковник Крымский, Петр Алексеевич. Это была легендарная личность. Я, вообще-то, не сторонник того, чтобы разбирать недостатки командиров, давать им характеристики. Как-то всегда старался найти ошибки и промахи сначала у себя, а затем уже искал у других. Но о нем хочу рассказать.

Что бросалось в глаза, со всеми он разговаривал только по уставу: никаких отклонений, толкований, исключений и особого понимания ситуаций не признавал.

Первый раз мы с ним столкнулись в городской парикмахерской. Он уже постригся, но, узнав, что я возвращаюсь в часть, сказал, что подождет и подвезет меня. Процесс стрижки шел нервно, я, чувствуя себя очень неуютно, торопил мастера.

Выйдя из парикмахерской, сел в поджидающую меня машину. Командир отдал приказ водителю: «Скорость движения 15 км/час, первая остановка — у аптеки. Вперед!» Когда машина остановилась у аптеки, Крымский повернулся ко мне и говорит: «Капитан Андреев, Вы остаетесь в машине старшим. Действуйте по своему плану!» Вернувшись из аптеки, скомандовал водителю: «Скорость движения 50 км/час. Домой. Вперед!» И до самого дома, а жили мы с ним в одном здании, не проронил ни слова.

Пока здание штаба не было готово к эксплуатации, командир принимал офицеров у себя на квартире. И как-то раз во время такой встречи его жена обратилась к нему, назвав Петей. Тут же ответ: «Я Вам не Петя, а Петр Алексеевич, я на службе».

Когда он утром видел детей у автобуса, отвозящего их в школу, здоровался: «Здравствуйте, товарищи дети!»

Эти забавные ситуации любили рассказывать офицеры, когда их утром развозили по «точкам». Точками назывались места расположения дивизионов, входящих в состав бригады. Размещались они вокруг Ленинграда на бетонированной дороге, так называемой «орбите». Дивизионы нашей части занимали место на Карельском перешейке.

ПОТЕРЯННАЯ ПУСКОВАЯ УСТАНОВКА

Летом 1959 года наш эшелон прибыл на грузовую станцию Зеленогорск. Этот эшелон привез боевую технику после испытаний на полигоне Капустин Яр. Погрузка и разгрузка техники — очень ответственное дело, но почему-то всегда проходит в большой спешке. Видимо, подстегивают какие-то денежные расчеты с железной дорогой.

Техника каждого дивизиона состояла из аппаратных кабин, дизельных станций и шести пусковых установок (ПУ). За станцию наведения (аппаратные кабины и дизели) отвечал я, а за пусковые установки — капитан Бригоцкий. Командир дивизиона назначил меня старшим на время выгрузки и переезда к месту расположения дивизиона, а сам уехал на «точку».

Работа по разгрузке кипит, каждый занят своим делом, спешим, стаскиваем с платформ технику. И вдруг слышу: «Командира дивизиона к командиру!» Я подбежал к полковнику Крымскому, который стоял у своей машины, доложил и слышу вопрос: «Где шестая пусковая установка?» Мой ответ молниеносный: «Здесь!» Командир: «Считайте!» Я считаю и не верю своим глазам — только пять. Тут подбежал Николай Бригоцкий, и командир повторил вопрос. Его ответ был еще быстрее: «Здесь!» Опять: «Считайте!» Капитан тоже запинается на числе пять.

После этого командир так выругался матом, что удивил всех. До этого никто не слышал от него мата. Затем крикнул: «Эх, вы, командиры!», — хлопнул дверью, и машина рванулась в сторону от эшелона. Я смотрю на моего тезку, он на меня, в горячке ничего не понимаем.

Вскоре выяснилось, что шустрый расчет одной пусковой установки быстрее всех справился со своим делом и командир расчета, не доложив об этом командиру батареи, отвез пусковую метров на сто и свернул с дороги. А за кустами ПУ видно не было.

Как об этом узнал Крымский, неизвестно.

КАКОЙ ЖЕ ЭТО ОТДЫХ?!

В один из летних дней 1959 года меня вызвал к себе руководитель общества «Знание» и предложил выступить на встрече жителей Зеленогорска с участниками Великой Отечественной войны. Я должен был рассказать, как служат после войны молодые офицеры и солдаты, охраняя воздушные рубежи Ленинграда. Время выступления — не более 10 минут. Меня попросили написать тезисы выступления. Потом мы их вместе посмотрели, что-то исправили, добавили, при этом мне убедительно посоветовали: никаких бумажек, только своими словами.

Приехав к началу встречи, я увидел небольшой летний зал на берегу Финского залива, увидел участников войны, в основном это были полковники и капитаны 1-го ранга. Нас посадили на сцену.

Выступали фронтовики толково, интересно рассказывали о случаях на фронте, их внимательно слушали. Но был один недостаток: каждый, увлекшись рассказом, не замечал, что выходит за временные рамки.

Когда ведущая предоставила слово мне, я услышал шум в зале, какие-то выкрики, а затем голос сидящего в первых рядах человека: «Какой же это отдых?!» Но объявление о моем выступлении уже было сделано. Я пошел к трибуне, хорошо понимая, что говорить надо четко и очень коротко.

Моя речь заняла три минуты. Когда я закончил, раздались такие дружные и громкие аплодисменты, каких ни разу за свою жизнь, ни до ни после, я не получал. Скорее всего, мне рукоплескали, одобряя краткость моей речи. В этом я окончательно убедился, когда узнал, что в зале сидели люди, приехавшие в дом отдыха на один день.

ЧП НА БОЕВОМ ДЕЖУРСТВЕ

Вспоминаются и не очень веселые случаи. Тогда ракетную технику только начали осваивать в войсках и бывали происшествия, не те ЧП, о которых знает вся страна, а то и мир, но все равно достаточно серьезные.

Мы на боевом дежурстве. Светлая ленинградская ночь. Я только вышел из одной аппаратной кабины, чтобы перейти в другую, как открывается дверь и раздается крик солдата: «Товарищ капитан, кабина горит!» Я бросился туда, а там уже офицер наведения работает огнетушителем. Огонь был быстро погашен, но кабина и вся станция вышли из строя.

Начали разбираться в причинах. Оказывается, в кабину поместили планшет, на котором должна была отображаться огневая обстановка. Планшет не входил в комплект аппаратуры, еле-еле поместился в кабине, планшетист не смог до конца вставить вилку в розетку... короткое замыкание и загорелся щиток распределения питания. Три часа станция не работала. Пока мы устраняли последствия пожара, нас подменял другой дивизион, так что ни на одну минуту небо Ленинграда не оставалось без защиты.

«ВСЕМ ОТОЙТИ ОТ МЕСТА АВАРИИ»

Осень. Темно. Дивизион находится в резерве, это значит, что в любую минуту должен быть готов нести дежурство. Приезжает комиссия из штаба бригады для проверки выполнения одной из задач: боевой работы в условиях ночного времени. Для тех, кто работает в аппаратных кабинах и на дизелях, что день, что ночь — все равно. Но для стартовой батареи выполнить нормативы ночью значительно сложнее, чем днем.

Идет проверка, и вдруг в кабину, где сидит председатель комиссии, вбегает командир стартовой батареи и докладывает: «Ракета упала!» И действительно, при перемещении с транспортно-заряжающей машины на пусковую установку ракета хвостовой частью сползла с направляющих. «Всем отойти от места аварии», — прозвучала команда.

Такого у нас еще никогда не было. Перевод ракеты из походного в боевое положение расчеты проводили многократно. Были случаи, когда не укладывались в нормативы, но подобного ЧП не было никогда.

Утром прибыла комиссия из армии с представителями завода-изготовителя этой техники. Проверяли все: пусковую установку, направляющие, всю техническую документацию. Исследовали буквально с лупой каждый сантиметр. В конце концов был сделан самый важный для нас вывод: расчет станции не виноват, и мы впервые за сутки вздохнули свободно.

Эту ситуацию я потом часто вспоминал, когда приходилось быть в комиссии по приемке ЭВМ и других устройств в эксплуатацию. Иногда производители пытались сдать технику, состав аппаратуры которой не соответствовал документации и принципиальным схемам. Приемка часто длилась неделями, а то и месяцами. И самое интересное, что в официальных паспортах и формулярах на технику стояли печати и подписи военных представителей. Такое разгильдяйство можно объяснить только тем, что ЭВМ предназначались для исследовательских работ, а не для выполнения боевых задач.

УЧИТЕСЬ У ПАВКИ КОРЧАГИНА

В 1960 году командиром нашей зенитно-ракетной бригады был назначен полковник Громов, Лев Александрович. Он обладал, на мой взгляд, всеми положительными качествами советского офицера: образован, строг, справедлив, честен, организован. Он во всем был примером для своих подчиненных. Очень хорошо знал нужды солдат и офицеров, так как начинал свой путь рядовым красноармейцем в 1939 году.

Умел с душой разговаривать с людьми, пришедшими к нему на беседу, независимо от их званий и служебного положения. Подавляющее большинство просьб выполнялось или объяснялись причины, почему их нельзя выполнить. Никто не уходил от командира с обидой. Да и форма обращения с людьми очень приветливая была: когда проситель входил в кабинет, Громов вставал, выходил из-за стола, здоровался, усаживал посетителя на стул. И только потом говорил: «Слушаю Вас».

С его появлением перестали ходить среди офицеров анекдоты о командире. Не до анекдотов было, каждый понимал, что за все неблагоприятные поступки или промахи придется отвечать перед строгим и справедливым человеком.

Вспоминаются две мои встречи с командиром части.

Под конец рабочего дня (я в то время был уже переведен в службу главного инженера бригады) мне приказали срочно поехать в Ленинград, найти командира части и подписать банковский документ для оплаты ремонта дорогостоящего прибора. Со мной поехал еще один офицер. Только к ночи добрались мы до квартиры командира. Стоим перед дверью в нерешительности, понимая всю неловкость ситуации: неудобно беспокоить человека, он намного старше нас, только-только принял нашу бригаду и по сути нас не знает. Наконец звоним. Открывается дверь, я докладываю цель приезда, командир подписывает бумагу и говорит: «Передайте главному инженеру, чтобы такие дела делались вовремя, иначе мы будем друг за другом гоняться постоянно».

Другой эпизод. Идет партийное собрание коммунистов части. Докладчик — полковник Громов. Доклад посвящен укреплению

военной дисциплины и порядка. В его обсуждении участвует много офицеров, в том числе и я. Я затронул вопрос о доверии некоторых представителей тыла к офицерам. Дело в том, что многие офицеры жаловались на хамское отношение финансистов. На собрании я описал конкретный случай: я сдавал документы

после командировки, а начфин стал пристально рассматривать железнодорожный документ на стекле окна, видимо, проверяя компостер. Спрашиваю, зачем он это делает. Отвечает, всякие, мол, люди бывают. И сказал он это с такой издевкой, что я вышел из комнаты, громко хлопнув дверью.

Выступая на собрании, я привел пример из Куприна, когда в царской армии поручик застрелился только из-за подозрения в краже браслета. Наш командир в заключительном слове остановился и на моем выступлении. Оценивая мое поведение у начфина, он посоветовал советскому офицеру равняться на Павку Корчагина, который добивался своей цели при любых обстоятельствах, а не на малодушного поручика царской армии.

К сожалению, я мало служил под руководством Громова, скоро меня перевели на новое место службы — Балхашский испытательный полигон.

Глава 6

И пусть теперь охрипнет товарищ Левитан

*Научно-исследовательский испытательный полигон
войск ПВО страны, Карагандинская область, г. Приозерск
(Коктас, Сары-шаган, или Балхаи),
апрель 1961 — июнь 1967 г.*

НОВАЯ ЧАСТЬ — НОВЫЕ ИСПЫТАНИЯ

В начале 1961 года нас, молодых инженеров, недавно закончивших АРТА, КВИРТУ (Киевское высшее инженерно-радиотехническое училище) и МВИЗРУ (Минское высшее инженерное зенитно-ракетное училище), вызвали в управление кадров армии в Ленинград. В этот день таких, как я, прибыло человек тридцать. Нас собрали со всех частей, входящих в Отдельную Ленинградскую армию ПВО. Речь пошла о переводе на новое место службы.

Хотя мне предложили должность на ступень выше, чем была в службе главного инженера, я, как и другие, пытался отказаться. Я только что получил двухкомнатную квартиру, службой

был удовлетворен, да и для семьи климат Казахстана вряд ли был бы полезен. Но для кадровиков это были слабые аргументы, и нам объявили, что ехать придется, причем первый год — без семьи, так как дома только строятся. Мы всей семьей прошли медкомиссию и были признаны годными для прохождения службы и проживания в районе расположения испытательного полигона. Нам оставалось только гадать, почему такая спешка, зачем снимать специалистов, неужели нельзя подождать очередного выпуска из училищ.

Только по приезду на полигон я узнал, что в это время были получены первые результаты испытаний системы, показавшие принципиальную возможность в полигонных условиях попадания противоракеты в баллистическую ракету.

С КАЗАНСКОГО НА «ВРЕМЕННУЮ»

В первых числах апреля 1961 года поездом Москва — Караганда с Казанского вокзала я отправился с двумя чемоданами в малоизвестное мне новое место службы.

Кое-что об этом полигоне мы, конечно, знали, так как некоторые мои сокурсники попали туда сразу после окончания академии, в 1958-м. Рассказывали о площадках, куда возят воду за сотнями километров, о том, что с жильем туго, о скорпионах, бегающих по кроватям, и пр. К слову сказать, кадровики, агитируя нас, отмечали только положительные моменты: солнце 365 дней в году, оклады большие (впрочем, цифр не называли), Алма-Ата близко, а значит, много яблок. Но мы-то уже слышали, что значит «близко» для казахских просторов и какие-такие яблоки могут расти в пустыне...

Без семьи предстояло прожить год. На Казанском вокзале меня провожал Николай Александрович Мозжухин, он в это время служил в НИИ в Москве. Это был мой товарищ по школе, училищу и академии, мы с ним даже женились в один год, оба на харьковчанках. После академии Николай был направлен в Москву в военный институт, а мне предстояла служба в войсках.

Настроение у меня в вагоне было, прямо скажем, нерадостное. Было тревожно: что меня ждет на новом месте службы? как сложится моя «холостяцкая» жизнь? К тому же я приболел, пока ехал

трое суток. В Караганде при пересадке в другой поезд, Свердловск — Алма-Ата, в медпункте мне дали какие-то лекарства, сбили температуру, и ночью я прибыл на станцию Сары-шаган.

Потом была поездка в переполненном автобусе с многочисленными остановками и проверками документов. В отличие от моего, настроение у людей, собравшихся в автобусе, было совсем немрачное. Шутки, смех, разговоры и, что интересно, ни слова о службе или о работе. На конечной остановке мне в темноте показали гостиницу — одноэтажный щитовой деревянный барак, поместили в комнату на 15–20 человек. Никто из спящих, которых мы невольно разбудили, не ворчал. Видимо, к этому здесь уже привыкли. Эта была так называемая площадка 4В («Временная»). Вот в таких бараках и жили первопроходцы, когда строился полигон. Названия у бараков были примечательные: самый большой — «Казанский», чуть получше — «Курский», а самый благоустроенный — «Ленинградский».

Усталый после дороги, я быстро уснул, а утром, проснувшись, с радостью увидел в окно озеро. Балхаш был совсем близко — в 150 метрах от барака. Рядом с 4В была площадка 4П («Постоянная») — жилой городок, который усиленно строился. На площадке 40 («Сороковая»), недалеко от 4П, располагался центр управления полигона и штаб. Остальные площадки были разбросаны от центра на расстоянии от 7 до 300 км.

ГЛАВНОЕ УСЛОВИЕ

«Куда же направят меня?» — это был главный вопрос. До представления командирам были еще сутки, и я попробовал найти своих товарищей по академии: Владимира Дмитриевича Тищенко и Захара Захаровича Швецова.

Швецова нашел по телефону. Он удивился, узнав, что я приехал на службу, а не в командировку. После работы встретились, поговорили обо всех друзьях, о семьях, о многом, что связывало нас. И Захар Захарович предложил мне стать кандидатом на должность старшего инженера-испытателя в его управлении, он был уже в это время зам. начальника управления. Но было одно условие — отка-

заться от своих слов, сказанных мною еще в академии после ссоры. А сказал я тогда, что не хотел бы служить в его (Швецова) подчинении.

Швецов и Тищенко пришли на учебу в академию уже взрослыми и опытными людьми. Тищенко окончил войну командиром противотанковой батареи, Швецов занимал значительную должность в автохозяйстве академии, а мы, лейтенанты и старлеи, были мальчишками перед ними.

Конечно, я сказал, что принимаю любые его условия и буду рад, если он предложит мою кандидатуру командиру части.

Вот так и началась моя служба на полигоне. Работа на Балхаше резко отличалась от того, чем я занимался в зенитно-ракетных войсках под Ленинградом.

Лишь бы унеслась

Не знаю почему, в памяти остались самые трудные периоды моей армейской биографии. Дневников я никогда не вел, писал только письма родным и знакомым. Жалею, что переписку не хранил, не в пример моей матери, которая берегла все наши поздравления.

На полигоне у нас была любимая песня, сочинил ее кто-то из представителей военной промышленности — «промышленники», так мы их называли.

*Заправлены ракеты, конечно, не водою,
И кнопку пусковую осталось нам нажать.
Давай-ка, друг, с тобою мы отойдем в сторонку.
Эх, лишь бы улетела, эх, лишь бы унеслась...*

Припев:

*Я знаю, друзья, что пройдет много лет,
И люди забудут про наши труды.
Лишь в виде обломков упавших ракет
Останутся наши следы.*

*Наутро после пьянки не слушаются ноги...
Ракета улетела, налей еще стакан.
Мы сделали работу, возьмемся за другую,
И пусть теперь охрипнет товарищ Левитан.*

Припев.

*Гостиницы с клопами и пыльные дороги —
И это все пришлось нам испытать.
Пусть в газетах пишут, что мы живем как боги,
А мы сомнем газету — и выйдем погулять...*

Припев.

Я служил в подразделении, которое отвечало за обработку радиотелеметрической информации после пусков ракет. Коллектив состоял из офицеров с высшим инженерным образованием, операторов и техников. Все параметры ракеты во время старта и полета записывались на магнитную ленту. Затем эта информация обрабатывалась на специализированной электронно-вычислительной машине (МО-9). Наше подразделение обеспечивало ее безотказную работу.

После обработки первичной информации (она занимала от 3 до 7 суток) мы выдавали отчет с анализом состояния и поведения всех систем и устройств ракеты во время пуска. А на основе нашего отчета промышленники готовили главный отчет. И так после каждого запуска.

Обработка информации шла непрерывно: 12 часов работала одна группа, затем ее сменяла другая. Особо тщательный анализ проводился после аварийных пусков («лишь бы улетела, лишь бы унеслась»).

ПЕРВАЯ НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ЗАДАЧА

Хорошо помню первые дни моей балхашской службы. Подходит ко мне мой бывший однокурсник Фаршат Гаязович Гилязов, который уже пробыл на полигоне три года.

— Пойдем, я тебе покажу первую научно-исследовательскую задачу.

Привел меня на участок около нашего служебного здания и сказал, что надо выкопать ямку для посадки деревьев (карагача). Я спросил: «А сколько ямок за мной?», — думая, что это задание для меня, вскопавшего в деревне не одну сотку земли, будет несложным.

— Когда одну выраешь, определим дальнейшую задачу, — туманно улыбаясь, ответил Гилязов.

Раньше я только в книжках читал о пустынях и полупустынях. А здесь пришлось на себе испытать, какова земля в Голодной степи: сплошной камень и пыль. Лом со звоном выскакивал из моих рук, скоро они покрылись кровавыми мозолями.

Сколько вечеров мне пришлось долбить эту землю! Мы сажали и поливали посадки только после основной работы!! Но задача была выполнена, и у здания прижились и зазеленели деревья. Почва в тех местах настолько тяжелая, что через 7–10 лет, когда корни доходят до солончаков, все деревья погибают и надо сажать новые. Так, через 17 лет, прибыв в командировку на полигон, я увидел, что деревья у здания все так же растут. Хотя это было уже второе поколение карагачей, мне было приятно, что мои труды не пропали даром.

ВСЕ ВМЕСТЕ

Моя бессемейная жизнь на полигоне продолжалась один год. Впрочем, жена уже приезжала ко мне летом, а я ездил в Зеленогорск на октябрьские праздники. В начале 1962 года я получил двухкомнатную квартиру в доме у озера (ул. Октябрьская, 15/1) и привез семью.

В начале 60-х в военном городке открылись две школы, и наша дочка Галя в 1963 году пошла в первый класс. Были построены местный телецентр, универмаг, столовая, два кинотеатра, а затем гарнизонный Дом офицеров и госпиталь.

Училась Галя вполне успешно, однако была любителем поучаствовать во всевозможных кружках. Пришлось и мне выкроить время и вести кружок юных шахматистов. Как-то раз наши занятия

даже снимали и показывали по телевидению. А еще наша дочь была инициатором сбора посылок детям Вьетнама (в это время там велись боевые действия с американскими войсками). Собранные посылки отправили в Москву на адрес радиокомитета, откуда пришла благодарность.

РОЖДЕНИЕ ПЕРВОГО СЫНА

1 мая 1962 года у нас родился сын, и назвали его Дмитрием, в честь моего отца, погибшего на войне. Вообще-то, мы ждали его в середине апреля и даже договорились, что если родится 12 апреля — назовем Юрой, в честь первого космонавта Юрия Гагарина.

Этот майский день мне запомнился навсегда. Утром жена сказала, что пора ехать в роддом. Он находился на площадке 4В, в бараче (госпиталь тогда еще только строился). Мы вышли на центральную улицу, ул. Ленина, и стали ждать попутную машину. На полигоне существовало неписаное правило: проходящие машины всегда останавливались и подбирали попутчиков. Платы, естественно, никто не требовал.

Подъехал автобус с летчиками, я посадил жену и попросил одного из офицеров довести ее до роддома. К большому сожалению и огорчению, я сам не мог сопровождать жену. В городке был военный парад, я был ассистентом у знамени полигона, и о моей замене или опоздании не могло быть и речи.

После парада друзья собрались на квартире, я позвонил в роддом, и мне сообщили после некоторой паузы, что родилась девочка (в этот день родились два мальчика и две девочки). Тут, конечно, все обрадовались, выпили за Люсю, за меня, за ребенка и — веселые и счастливые — решили пойти в роддом.

В роддоме мы попросили показать книгу, где записано рождение ребенка, и видим: у Андреевой Людмилы Сергеевны родился сын! Ну что спросишь с солдатиков, которые дали неверную информацию!

Главное произошло — родился СЫН, и поздравления набрали новую силу!

В ноябре 1962 года на полигоне был проведен ядерный взрыв в атмосфере. (Это был последний такой взрыв, позже они были запрещены.) В состав команды по организации взрыва я не входил, но в момент испытаний был на 40-й площадке.

Взрыв был осуществлен в яркий солнечный день после обеденного перерыва. Окна нашей рабочей комнаты выходили на противоположную сторону. В момент взрыва освещение на улице стало настолько ярким, что казалось, рядом с солнцем зажглись еще сто таких солнц.

Секретность была полная, и жену я не мог предупредить. Так получилось, что именно в это время сын в коляске спал на улице. Вот уже больше сорока лет прошло, но до сих пор, если Дима чем-то болеет, нам кажется, что это последствия ядерного облучения.

ГОСТИНЦЫ ИЗ БАКЕЕВА

Иногда выпадала возможность летать в Москву (в командировку и отпуск) на самолетах, зафрахтованных промышленниками для перевозки специалистов и грузов. Для этого нужны были не только соответствующие документы, но и знакомства среди промышленников, которые могли бы вовремя подсказать, когда самолет вылетает и есть ли в нем свободные места. Таким образом к нам на Новый год приехала моя шестидесятилетняя мать, которая за всю жизнь до этого дальше Москвы из своей деревни не выезжала.

Моя мама приехала и привезла самые дорогие подарки: новогоднюю елочку из Бакеевского леса и картошку с родного огорода. Военторговскую картошку есть было невозможно: она была вся черная и гнилая после многодневной транспортировки по железной дороге.

«ВЫПОЛНИЛ ПЕРВЫЙ ВАРИАНТ»

Мне везло на порядочных, ответственных и чутких людей. Как-то раз я узнал, что офицер из соседнего отдела Павел Конов летит в Москву. У него был один посадочный талон на самолет.

А мне надо было каким-либо образом переправить детей в Москву. Я уговорил его взять девятилетнюю Галю и трехлетнего Диму с собой в самолет. Для него это было большое неудобство и ответственность огромная. Пять часов полета, одно место на троих, маленькие дети... Более того, детей в Москве надо было самому отвезти.

Я дал ему два адреса «доставки». Первый вариант — Москва, ул. Молодежная (это адрес моего товарища Можжухина), и второй — станция Крюково, деревня Бакеево. Проводил их на самолет и жду сообщений. А сообщений все нет и нет... Только на третий день мне принесли мятую телеграмму: «Выполнил первый вариант. Павел». Где телеграмма была два дня — не знаю, но, слава богу, все кончилось хорошо.

Потом Павел рассказал мне, что по адресу «первого варианта» ему открыла девочка лет десяти и сказала, что родителей нет дома, они в кино. Павел долго мучился: оставлять ли привезенных детей или нет. Решил оставить, тем более что в этой же квартире (коммунальной) были взрослые люди — соседи.

А Николай Можжухин позже описал эту ситуацию так:

— Входим с женой в комнату и видим: свет горит, а четверо детей (двое бледных — своих и двое загорелых — чужих) спят на полу, и вокруг разбросаны остатки сушеной рыбы с Балхаша.

«ВОПРОС О ВАШЕМ ПЕРЕВОДЕ РАССМАТРИВАЕТСЯ...»

Постепенно жизнь и служба на полигоне налаживалась. Дочка училась, сын ходил в детский сад, а жена работала в штабе части бухгалтером. Но понятно, что все это было временным, оставаться здесь навсегда желания не было, и прежде всего из-за климата. Хотелось в Россию, а причин перевестись не было. Балхаш не попал в списки районов, где каждые 5 лет обязательно проходят замены. Некоторые офицеры застряли на полигоне на 20–25 лет. О том, что было с ними и их семьями во время развала Союза, пусть напишут те, кто видел разрушение того, что мы с таким трудом возводили.

Дети росли, надо было думать об их образовании, а ближайшие вузы были только в Алма-Ате и Караганде. В общем, пора было переводиться. У нас ходила шутка, что уже на второй день по прибытии на полигон почти каждый, от лейтенанта до полковника, начинает задумываться, как отсюда уехать. Заканчивалась моя балхашская пятилетка, и я действительно начал серьезно думать, как перевестись. Чтобы переехать на новое место, здесь должны были отпустить, а в другом месте взять.

В конце 1966 года, будучи в Москве в командировке, я встретился с кадровиками одной из частей Подмосковья, где служил мой дальний родственник, Николай Солоха. Мне предложили должность зам. командира части, но я узнал, что часть относится к другому виду вооруженных сил и перевод практически невозможен. Разговор велся очень доброжелательно. Я даже пошутил, что за 5 лет службы на полигоне отвык от личного состава и привык к чернильнице.

В конце кадровик посоветовал мне встретиться с другим кадровиком, который также мог мне предложить что-либо. Но надо было подождать часа два. Конечно, можно было подождать и дольше, но я сидел как на иголках. Ночью я должен был улететь, посадочный талон был в кармане, к тому же у меня на руках было мое личное дело, которое я должен был своевременно вернуть в управление кадров. Что делать? Принимаю решение лететь, ведь неизвестно, когда смогу достать талон на самолет, а командировка заканчивалась через сутки.

Запечатали мое личное дело, дали мне за него расписаться и пожелали успехов в службе. Расстроенный таким финалом, отвез дело в управление кадров, рассчитался с гостиницей и ночью улетел на Балхаш. В самолете почти не спал, вспоминал разговор и пришел к выводу, что попытка повернуть армейскую судьбу не удалась. Однако через месяц узнал, что мое личное дело переслали в Калинин, в НИИ-2. С тех пор я стал названивать в отдел кадров НИИ-2, чтобы узнать, в каком состоянии находится вопрос о моем переводе. Почти всегда мне отвечали одинаково: «Вопрос о вашем переводе рассматривается».

О ПОЛЬЗЕ КОНТРОЛЯ

В 1962–1965 годах в СССР действовали комитеты партийно-государственного контроля, они контролировали деятельность партийных и государственных органов. В нашей войсковой части высшим органом такого контроля было бюро, в состав которого я был избран офицерами вычислительного центра.

Запомнилась помощь в деле строительства молочного завода. В те годы на полигоне подсобное хозяйство могло обеспечить молоком только детей дошкольного возраста. Руководители полигона добились решения о строительстве этого завода, оборудование для него в войсковую часть пришло, а начало работ откладывалось. Не могу сейчас судить о том, насколько помогли именно мы, но знаю, что завод вскоре был построен и начал выдавать молочную продукцию из сухого порошка. Но попробовать ее нашей семье уже не удалось.

«МОЛОДОЙ, СО ВСЕМ СПРАВИШЬСЯ»

Служба на полигоне — интересная, ответственная, по-своему сложная и тяжелая — продолжалась. Как-то по пути на службу случайно встретил начальника штаба полигона полковника Лебедева.

— Не пора ли набираться опыта, расти и заменять старших, — спросил он меня.

В этот же день меня вызвал зам. начальника полигона по научной и испытательной работе генерал-майор Грицак и предложил новую должность вместо уходящего в запас зам. командира 35-й площадки. Я ему доложил, что мое личное дело уже в Калинин, в НИИ-2, но генерал-майор сказал, что документы очень просто отозвать. Я пытался отговориться тем, что у меня нет опыта работы с таким количеством подчиненных, что не знаю особенностей службы на 35-й площадке. А в ответ: «Молодой, со всем справишься и всем овладеешь». Я попросил разрешения подумать над предложением и после беседы немедленно доложил об этом разговоре непосредственному начальнику — полковнику Селиванову. Что он сказал генералу — мне неизвестно. Знаю только, что он фактически

выручил меня, убедив руководство, чтобы мою кандидатуру больше не рассматривали. А скоро пришел долгожданный приказ о переводе на новую службу в НИИ-2.

СЕМНАДЦАТЬ ЛЕТ СПУСТЯ

В 1984 году я снова приехал на Балхашский полигон, на 1-ю площадку, где проводились учения зенитно-ракетных войск ПВО, в которых принимали участие специалисты НИИ-2.

Многое изменилось за эти годы: Балхаш обмелел, вода ушла от бывшего берега метров на десять, вырос целый микрорайон с высотными домами, а наши «трехэтажки» скрылись за деревьями, на берегу раскинулся рукотворный парк.

На улицах Приозерска было много молодых пар, а также колясок с малыми детьми. Тогда впервые мне показалось, что среди этих людей я самый старый.

Глава 7

Город на Волге

*Научно-исследовательский институт
Министерства обороны СССР (НИИ-2), г. Калинин,
июнь 1967 — октябрь 1987 г.*

НЕ ЖДАЛИ

В солнечный июньский день я прибыл в Калинин, в котором никогда до этого бывать не приходилось.

Начальник НИИ-2 генерал-лейтенант Королев, Борис Александрович, принял меня радушно: познакомился со мной (раньше он знал меня только по личному делу), рассказал об отделе, где я буду проходить воинскую службу, о моих обязанностях.

Затем меня направили к начальнику отдела полковнику Ершову, заместителем которого я был назначен. Войдя в комнату, где было человек пять или шесть, я представился, как положено по уставу. Начальнику, как мне показалось, было лет под пятьдесят, остальные — моего возраста и старше. В это время проходило техническое совещание. Я сел на свободное место, и совещание было продолжено. Идет разбор и решение вопросов, споры, выступления.

Так продолжалось минут двадцать. Вдруг начальник отдела, посмотрев на часы, сказал: «Обед». Все, и он в том числе, вышли из комнаты и куда-то разошлись. Я остался один. Это был самый неприятный момент. Я понял: меня здесь не ждали.

Вместо обеда решил пройтись по городу. На прогулке быстро успокоился: мало ли что было у начальника на душе. По дороге оказалось кафе «Снежок» (как я узнал позже, наши сотрудники называли его «Сутробом»). Взял стакан молока, сдобную булку и с удовольствием все это съел. После полигона вкус молочных продуктов был особенно приятен. В то время там было очень плохо с молоком: подсобное хозяйство могло обеспечить только детей дошкольного возраста. Настоящее молоко мы пили только во время отпусков и командировок.

Пообедав, я пошел на берег Волги, и тут мое настроение еще больше поднялось: я увидел на пляже много молодежи, детей, увидел всю красоту реки и ее берегов. Тогда мне показалось, а сейчас я уверен, что место между двумя мостами, новым и старым, — самое лучшее и красивое в городе.

После прогулки я вернулся назад. В комнате никого, кроме начальника, не было. Я свою досаду, конечно, скрыл, тем более что в тот день Ершов все же нашел время познакомиться со мной.

Три года, которые мне пришлось с ним работать, были очень тяжелыми для меня (бывали такие моменты, когда на службу идти не хотелось). По форме все было вроде нормально, но по сути он вел себя так, как будто у него нет заместителя. Мне приходилось вести себя очень осторожно. Все, что я делал по его личным указаниям, я делал с оглядкой. Ходил как тонкому льду. Но о своих внутренних мытарствах я никому не говорил. С подчиненными эту тему не обсуждал, группы недовольных начальником не создавал — я всегда был ярым противником групповщины.

БУДНИ ВЦ

Отдел, в который я был назначен, входил в вычислительный центр НИИ-2. Наш отдел занимался эксплуатацией больших

по мощности ЭВМ, а также разработкой вычислительных комплексов на основе этих машин. Работа велась круглосуточно, в четыре смены. Устройства ЭВМ выключались только на период профилактических работ (в январе, мае и ноябре).

Костяк отдела составляли офицеры и высококвалифицированные научные сотрудники и инженеры из числа служащих Советской армии. Гражданские должности комплектовались из выпускников инженерно-технических вузов со всей страны, из Рязани, Харькова, Алма-Аты, Львова, Курска и др. Некоторых из них, самых достойных по нашему мнению, определяли (при их согласии) в кадры Вооруженных сил СССР.

Текучесть кадров была большая. Гражданские выпускники вузов, проработав у нас три года и получив хорошие практические знания, уходили в другие организации. Причина, как правило, была одна — низкая зарплата. Но многие оставались работать у нас на долгие годы. Они были нашей гордостью. Успехи отдела во многом определялись их высокой профессиональной подготовкой.

К слову сказать, когда в Калинин создавалась организация ЦПС (Центрпрограммсистем), известная всем вычислительным центрам страны, ее первыми руководителями (зав. отделами и ведущими специалистами) стали сотрудники вычислительного центра НИИ-2.

Двенадцать лет выполнял я обязанности начальника отдела. За это время сменилось три поколения ЭВМ: на смену ламповым элементам пришли полупроводники, а затем были внедрены машины на интегральных схемах серии ЕС ЭВМ. Обновлялся и состав отдела, но его костяк оставался почти неизменным.

БЫТЬ ИЛИ НЕ БЫТЬ НАЧАЛЬНИКОМ?

Мое назначение на должность начальника отдела состоялось не сразу. Руководство ВЦ имело виды на другую кандидатуру — начальника лаборатории Морозовича. Раньше, до Ершова, он уже возглавлял наш отдел. Почему его понизили в должности, я не знаю, это было еще до моего приезда в НИИ-2.

Однако начальник института отклонил кандидатуру Морозовича из-за возраста, ему к тому времени было уже 46 лет, и предложил на эту должность меня, видимо, как более молодого и энергичного.

После заседания парткома ВЦ, где рассматривался вопрос о моем назначении, один коллега признался мне, что голосовал «против», и объяснил причину такого решения. Он не был уверен, что я, прибыв в институт из воинской части, смогу руководить таким большим отделом, люди в котором очень разнятся по уровню профессиональной подготовки, опыту и образованию.

Не знал коллега, что я уже руководил подобным составом людей на полигоне, хотя и не было у меня в характере властолюбия. Я всегда осторожно пользовался данной мне властью.

Подтверждением этого может быть наша долгая совместная служба в одном отделе с Владимиром Николаевичем Морозовичем. Взаимоотношения у нас были товарищеские, корректные. Конфликтов не было, работали мы слаженно. Когда наступило время и Владимир Николаевич уволился из армии, он быстро нашел себе работу. Он был хорошим специалистом по вычислительной технике, многие годы возглавлял Вычислительный центр Калининского государственного университета (КТУ) и был известным в городе человеком.

ЛУЧШИЕ СПЕЦИАЛИСТЫ

Моим заместителем был назначен подполковник Оранский, Валентин Сергеевич. Он был самым знающим специалистом. Быстро находил причины отказов и сбоев ЭВМ, сам устранял их. Успешно обучал молодых инженеров всему, что знал сам. К тому же обладал неиссякаемой трудоспособностью и трудолюбием.

Валентин Сергеевич успешно закончил Артиллерийскую академию им. Дзержинского. Он был среди первых офицеров в Вооруженных силах СССР, которые в конце 50-х годов начали эксплуатировать вычислительную технику. Когда он прибыл в НИИ-2, ему предложили стать начальником отдела, но он отказался и попросился на работу в смену. Пройдя суровую службу в Советской

армии в качестве солдата, младшего командира и на офицерских должностях, он отлично знал и выполнял все требования уставов. Недаром его ставили в наряд, дежурным по институту, когда приезжали высокие гости и комиссии.

Заместителем начальника отдела был подполковник Турлаков, Петр Васильевич. Он окончил с отличием Львовский политехнический институт и прибыл в НИИ-2 в качестве молодого специалиста. Со временем, как один из лучших сотрудников, стал кадровым офицером, кандидатом технических наук. Турлаков фактически был инициатором и руководителем всех научных разработок в отделе. Впоследствии он много лет возглавлял наш отдел. Он и сейчас продолжает трудиться в одной из фирм оборонной промышленности.

Почти такой же путь прошел и полковник Тягунов, Александр Григорьевич, выпускник Рязанского радиотехнического института.

КАК ВЫБРАТЬ СЕБЕ ЗАМА

Долгие годы (более 25 лет) руководителей нашего отдела назначали только из числа его сотрудников. Это говорит о многом: была стабильность в работе, была забота о профессиональном росте сотрудников. Коллектив всегда доверял своему начальнику. Никаких «любимчиков» не было и в помине: главный критерий при оценке человека — отношение к работе и к коллегам.

Но были и другие причины для назначения руководства из числа своих сотрудников. Дело в том, что «охотников» стать начальником машинного отдела было не очень-то много. Отдел большой, работа сменная, ответственность большая, зарплата, наоборот, не очень. Кроме того, на руководителях машинных отделов ВЦ лежал груз организационных и административных забот, особенно в период ввода в эксплуатацию вычислительных машин. Поэтому при подборе кандидата на должность начальника отдела и начальников лабораторий изучались все качества и способности офицеров, в том числе и организаторские.

Как-то один начальник отдела в беседе хвалился мне, что выдвинул в замы офицера такого же возраста, как и он сам, в расчете на то, что при увольнении первым уволят зама. Намекал мне на то, что я поступил неосмотрительно, когда ходатайствовал о назначении на должность зам. начальника Петра Турлакова — человека значительно моложе меня и к тому же кандидата технических наук.

Жизнь показала мою правоту. Когда я был назначен главным инженером института, начальником отдела стал Турлаков и много лет успешно руководил отделом, а того моего собеседника уволили в запас раньше, чем он рассчитывал.

НЕОЖИДАННОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

В 1981 году на должность начальника института был назначен генерал-майор Сапегин (впоследствии начальник Главного управления вооружения войск ПВО страны, генерал-полковник). Через год в штатное расписание НИИ-2 была введена должность главного инженера. Он должен был отвечать за лабораторную базу института, ее состояние и развитие.

В конце августа я был вызван неожиданно в кабинет начальника института. Я увидел на его столе свое личное дело. «Что это значит?» — подумал я, но вскоре понял, что речь пойдет не о недостатках в отделе. Настрой командира был радушный, и я немного успокоился.

Надо сказать, что Сапегин любил задавать подчиненным неожиданные вопросы. Вот и на этот раз он не удержался.

— Не надоело ли Вам быть начальником отдела?

Конечно, вопрос был с подтекстом, и ответа в системе «да-нет» я не нашел. Поняв мое смущение, Сапегин перешел к сути дела и предложил мне должность главного инженера. Я осторожно выразил свои сомнения: мне идет 51-й год и по возрасту я уже должен быть в запасе. Ответ генерала был таков: «Вы будете работать на этой должности столько, сколько надо будет для пользы службы». Я попросил дать мне время подумать: хотел услышать советы жены

и близких мне товарищей по службе. Через неделю я доложил начальнику института о своем согласии.

Спустя некоторое время меня вызвали к председателю Научно-технического комитета (НТК) Войск ПВО страны генерал-лейтенанту Легасову для беседы в связи с моим предполагаемым назначением. После моего доклада Легасов спросил:

— Давно Вы руководите отделом?

— Двенадцать лет.

— Почему же я Вас не знаю? — искренне удивился генерал.

Думаю, дело было вот в чем. За всю мою армейскую жизнь я ни разу не просил моих руководителей повысить меня в должности. Свои обязанности стремился выполнять ответственно, в сложных ситуациях и при неудачах вину на других не валил. Лишних вопросов начальникам не задавал, но в пределах своих полномочий любил действовать самостоятельно. Однако при докладах о выполнении задач особого блеска не получалось. Как я теперь понимаю, и начальники, и подчиненные ценили во мне прежде всего надежность в работе.

Вечером того же дня я улетел в отпуск. Но во время отпуска мучила меня постоянно «тревоги отравы»: «Справлюсь ли?» Ведь теперь я должен отвечать и за энергетику, и за материально-техническое обеспечение лабораторий, и за технику безопасности всех подразделений института, не говоря уже о самой главной задаче — развитии лабораторной базы института. Как отнесутся ко мне офицеры и служащие из других подразделений? Ведь раньше должности главного инженера в институте не было.

Когда я после отпуска вышел на службу, приказ о моем назначении главным инженером был уже подписан.

ПРОВЕРКА ГЛАВНОЙ ИНСПЕКЦИЕЙ, ИЛИ О ПОЛЬЗЕ ПРАЗДНИКОВ

В конце 1982 года начался последний этап моей службы в Вооруженных силах СССР.

Не успел я ознакомиться как следует с лабораториями института, как стало известно: грядет проверка Главной инспекцией Министерства обороны СССР. Среди прочего проверялось и состояние лабораторной базы института.

Много проверок мне за время службы пришлось выдержать, но самое сложное испытание — это проверка Главной инспекцией. Вот такой экзамен и свалился на мою голову. Понять, что это такое, могут только те, кто хоть раз побывал в подобной ситуации. Приходилось работать днем и ночью.

Вот один из эпизодов. Готовясь к проверке, я обнаружил, что пятилетний план развития лабораторной базы института не утвержден начальником Главного управления вооружения (ГУВ), а это означало, что представлять его инспекции нельзя. Хотя план и был составлен до моего назначения, легче от этого не было. Получалось, что в институте и фактически, и юридически отсутствовала перспектива развития лабораторной базы.

Я начал искать выход из создавшегося положения. Прямой путь (ехать с планом в ГУВ и согласовывать его) был невозможен. Подобные согласования всегда были долгими и трудными.

День проверки стремительно приближается, подготовка к ней идет полным ходом, но этот вопрос у меня «висит» нерешенным. Выручает наступающий праздник 23 февраля. Случайно узнаю, что на торжественное собрание приедет начальник ГУВ генерал-полковник Леонов. Я решаю во что бы то ни стало доложить ему о плане. Но как попасть к нему на прием? И когда? Решение созрело: только на торжественном собрании! Почему? Да потому, что на таких собраниях начальники кажутся из зала довольными и веселыми.

С рабочей папкой вхожу в зал клуба и занимаю крайнее место во втором ряду: я вижу весь президиум и нахожусь недалеко от сцены. Собрание идет своим чередом, а у меня в голове только одна мысль: не пропустить момент, когда можно будет подойти.

Объявили перерыв, многие из президиума ушли за кулисы, но несколько человек осталось, в том числе и генерал-полковник Леонов. Я подошел, представился, спросил разрешения обратиться

к нему с просьбой и коротко изложил суть проблемы. Конечно, я всего ожидал, но все оказалось очень просто. Леонов взял в руки документ (кстати, очень хорошо оформленный), перелистал план и утвердил своей подписью.

В акте Главной инспекции Минобороны СССР в части состояния и развития лабораторной базы института значительных замечаний не было.

РУСТ ПРОЛЕТЕЛ

Моя служба в армии закончилась неожиданно. Весной 1987 года на Красную площадь приземлился маленький спортивный самолет, незаконно вторгшийся в воздушное пространство Советского Союза. За штурвалом сидел немецкий пилот-любитель Матиас Руст. После этого случая в мае 1987 года было заменено руководство Министерства обороны СССР. Новый министр принял решение об увольнении в запас всех офицеров, выслуживших по закону свой срок.

Мне в это время шел 57-й год, и вот 9 октября я последний раз вышел из здания НИИ-2. Вышел через ту же проходную, в которую двадцать лет назад впервые вошел. На душе не было ни горя, ни радости. Было что-то среднее. Такое состояние очень трудно выразить словами.

Тогда я считал, что активная жизнь осталась позади, и о работе в гражданских условиях даже не думал.

СВОБОДА ВЫБОРА

После ухода на пенсию я проработал еще целых 16 лет. Расскажу лишь об одном эпизоде моей «гражданской» жизни...

Шел 1988 год. Случайно в газете «Калининская правда» я прочитал объявление о конкурсе на замещение вакантной должности начальника ВЦ конструкторского бюро. В то время самыми модными словами в газетах, на радио и телевидении были «гласность», «свобода выбора» и «демократия». Было принято решение

о выборности начальников (руководителей, директоров) всех уровней, начиная с бригадира и кончая директором предприятия. Конечно, красиво и заманчиво звучит: «Подчиненные сами себе выбирают начальников!»

Я решил участвовать в конкурсе. Кроме меня, со стороны, по газетному объявлению пришли еще четыре человека, но все они, ознакомившись с ВЦ, отказались участвовать в выборах.

Итак, к началу выборов определились три кандидата: заместитель начальника ВЦ, 35 лет, выпускник факультета ВМК МГУ с большим опытом работы в качестве программиста; начальник одного из секторов, 32 года, выпускник Калининского политехнического института с опытом эксплуатации ЭВМ, и я, имеющий достаточный опыт работы с гражданскими специалистами по прежней службе в военных организациях.

На собрании заслушали только меня, других кандидатов сотрудники знали лучше, чем себя. Долго до собрания я мучился: что говорить о себе? Для меня ситуация была совсем нестандартная: не помню такого случая, чтобы я публично нахваливал себя. Поэтому я пошел прямым путем (мне нечего было терять: я продолжал работать в университете). Рассказал все откровенно: о себе, о том, где работал, о неудачах, которые были, и о будущей совместной работе, если они проголосуют «за».

Вопросов ко мне было много, различных по форме и содержанию. Например, спросили, что я буду делать, когда придет распоряжение о выделении людей на «картошку». Один из механиков рассказал, что в отделе привыкли делать поборы с сотрудников на различные внутриотдельские нужды, и спросил мое мнение о такой ситуации.

Тайное голосование показало, что заместитель начальника отдела получил только два голоса, а начальник сектора и я — по 48% каждый. Так как никто из кандидатов не набрал больше 50% голосов «за», был необходим второй тур.

На второй тур голосования, который состоялся в положенный срок, приехал директор СПКБ Владимир Иванович Иванов. Сейчас уже не помню, были ли вопросы, были ли выступления

и споры. Голосование состоялось, с результатом 50 на 50. Видимо, коллектив разделился на две равные части, которые никак не могли договориться между собой. Я в спорах не участвовал: работал в университете и приходил только на очередное голосование.

Затем состоялся еще один этап выборов. Результат тот же. По положению о выборах в этом случае директору предоставлено право определить, кого из двух кандидатов назначить на должность. Директор решил назначить меня.

К сожалению, я недолго проработал в СПКБ. Так называемая перестройка привела к падению экономических показателей по всем направлениям народного хозяйства. Резко снизились объемы заказов от оборонных предприятий (с ними в основном и сотрудничало СПКБ), стало сокращаться число программистов, уменьшалось количество техники, обрабатывающей информацию, уходили специалисты, обслуживающие ЭВМ. К этому необходимо добавить, что на рынке появились персональные компьютеры, по своему удобству и возможностям превосходящие ЭВМ предыдущих поколений, и в начале 1991 года вычислительный центр был ликвидирован.

ВЗРОСЛЫЕ ДЕТИ

Дочь Галина. В 1973 году Галя окончила с хорошими отметками школу № 17, класс с математическим уклоном, и решила поступать в МГУ на факультет вычислительной математики и кибернетики. Я такое решение не одобрял и пытался ее отговорить. Я знал способности и возможности своей дочери и считал, что для поступления в этот университет ее знаний недостаточно. Но разве можно убедить семнадцатилетних детей, особенно своих? К тому же и жена была на стороне дочери.

Их идея состояла в следующем: пусть Галя испытает свои знания и способности; если не поступит, то хотя бы опыт приобретет для сдачи экзаменов в другом вузе (экзамены в МГУ и некоторые другие вузы тогда начинались раньше, в июле). Я хорошо помню, как мы с женой провожали Галю на поезд «Юность». Я и на вокзале

уговаривал дочь поменять планы. Но куда там! Энергия молодости считает все доводы рассудка.

Я с тревогой ждал результатов первого экзамена. Мы с дочерью договорились: она отправит телеграмму (тогда это было легче, чем связываться по телефону). В день экзамена, вернувшись со службы домой, я телеграммы не обнаружил. Позвонил на телеграф, мне ответили, что телеграмма есть, ее доставляли, но дома никого не было. Попросил зачитать ее, но оказывается этого делать нельзя. Пришлось объяснять, кто я, от кого жду известий. Меня поняли, и я услышал содержание телеграммы: «Сдала документы в МИФИ. Двенадцатого — письменная математика».

В ближайший выходной поехал в МИФИ, чтобы узнать, как обстоят дела у моей абитуриентки. В тот день она сдавала физику. Много часов провел я в сквере у здания института, много там было таких, как я, пап и мам. Видно было, что они переживают больше, чем их чада.

Время тянулось очень долго, наконец Галя вышла после экзамена и с радостью объявила, что получила четверку. Однако, к великому огорчению и сожалению, проходных баллов она не набрала. Пришлось возвращаться домой.

Теперь предстояло штурмовать Калининский университет. Было два варианта: участвовать в конкурсе с оценками, полученными в МИФИ, или снова сдавать вступительные экзамены. Галя выбрала второй вариант.

И снова подготовка к экзаменам и экзамены. Опять волнения, переживания. И так почти весь август. В результате, набрав такую же сумму баллов, как и в МИФИ, Галя стала студенткой математического факультета КГУ.

Сегодня моя дочь живет и работает в Москве.

Сыновья: Дмитрий и Сергей. Оба сына учились в школе № 17, оба поступили в Калининское суворовское училище (СВУ), после окончания которого их направили в Пушкинское высшее училище радиоэлектроники ПВО (ПВУРЭ), только все это с разницей в 9 лет, так как Дима родился в 1962 году, а Сережа — в 1971-м.

Самым трудным временем для них, да и для семьи тоже, был этап подготовки к поступлению к СВУ. Подготовка начиналась за год-два, а то и больше, до поступления. Самыми сложными были, конечно, экзамены по математике и особенно диктант по русскому языку. Поэтому при подготовке им пришлось написать более сотни диктантов, которые я брал из разных учебников, книг и пособий, решить огромное количество задач по математике.

Обращал я внимание и на физическую подготовку: бег и подтягивание на перекладине. А вот вопросы о том, как установить правильные взаимоотношения с коллективом, меня волновали не очень сильно. Мальчишки по складу характера были контактны, дружелюбны, могли быстро освоиться в незнакомом коллективе.

Говорил я с сыновьями и о смысле военной службы, о том, как создавалась армия вообще, и советская в частности, рассказывал о истории образования суворовских училищ, о том, какую роль они играют в развитии Вооруженных сил государства. Конечно, рассказывал я им и о трудностях привыкания к воинской дисциплине, порядку и подчинению. Вспоминал о своих личных переживаниях и невзгодах в тот далекий 1946-й, когда я впервые встал в строй 1-го Московского артиллерийского подготовительного училища. Я говорил сыновьям о том, что все трудности и препятствия могут быть преодолены, если ты готов к встрече с ними.

Дом, в котором мы жили, был почти виден из окон СВУ. С одной стороны, это хорошо. Еще до поступления мы часто ходили к училищу и видели, как суворовцы занимаются физической подготовкой, как работают метлами и лопатами, благоустраивая территорию. С другой стороны, плохо. Представьте себе такую картину: лето, выходной день, на городском стадионе назначен футбольный матч, под окнами училища идут веселые болельщики и среди них друзья из школы и со двора. Суворовец, который по каким-либо причинам не может пойти в увольнение, стоит у раскрытого окна и смотрит на радостные лица друзей. Что у него на душе?

К поступлению в СВУ я готовил ребят самостоятельно, без репетиторов, по своей методике. Оба сына, каждый в свое время,

поступили в училище. Дима в 1979 году после окончания СВУ был направлен в город Пушкин, в ПВУРЭ. Он окончил его в 1984-м и был назначен на корабль ВМФ, строительство которого было в стадии завершения. Сережа окончил СВУ в 1988 году, а ПВУРЭ — в 1993-м. Окончил его с красным дипломом и служит в Москве.

Взрослые дети ушли в самостоятельную жизнь, и пусть они (если будет возможность и желание) напишут свои воспоминания.

Содержание

Глава 1. ВОЕННОЕ ДЕТСТВО

Год рождения — 1931.....	5
Моя семья	6
Начальная школа	7
Готовимся к переезду.....	8
Жизнь во время войны	9
Все мужчины на фронте	9
Война крепко задела всю нашу родню	10
Приказ Сталина выполнен.....	10
Гибель младшего сына.....	11
Тяжелое ранение.....	12
Без вести пропавший	13
1941 год: 41-Й КИЛОМЕТР от Москвы.....	14
Первый бомбовый налет.....	15
Немцы в деревне	16
Восстановление деревни.....	17
Голодное время.....	18
Записка офицера.....	19
Золотой заем.....	19

Сенная маскировка	20
Письмо на фронт	20
Похоронки приходят в деревню	20
Братские могилы	21
О школе	21
Босяком на слет	22
Конец войне	23
«Что такое артиллерия и почему я хочу быть артиллеристом»	23
Есть в списке фамилия Андреев	24

Глава 2. ПЕРВОЕ МАПУ

Суворовское переполнено	25
Два капитана	26
Мечты сбываются	26
Первое увольнение	27
Учеба, еще учеба и немножко танцев	28
Лучший из лучших	29
Секреты логарифмической линейки	30
Первое распределение	31

Глава 3. ДВАДЦАТИЛЕТНИЙ ЛЕЙТЕНАНТ

Прекрасный город Ленинград	32
2-Е ЛАУ: чистота снаружи и внутри	33
Боевые стрельбы	34
По азимуту	35
Как заставить песок зазеленеть	37
Курсанты — за мир во всем мире	38
Умеем все, даже летать	38
Где служить?	39
Испытания на Якунинской горе	42
Мой взвод	43
Солдатский цирковой номер	45
Тяжело в учении	46

Песнь о новых ботинках	47
Дежурный по паровозу	48
Костер в палатке	48
«Вернуть лейтенанта Андреева в часть»	49

Глава 4. АРТА

Три товарища	52
Абитуриентские будни:	
победы и поражения	53
Коварная физика	53
Слушатель академии	54
Камбоджик	55
Знаменательная встреча	56
Нечаянный подарок	57

Глава 5. НА ОХРАНЕ ВОЗДУШНЫХ РУБЕЖЕЙ ЛЕНИНГРАДА

Мой «поезд»	59
«Здравствуйте, товарищи дети!»	60
Потерянная пусковая установка	61
Какой же это отдых?!	62
ЧП на боевом дежурстве	63
«Всем отойти от места аварии»	64
Учитесь у Павки Корчагина	65

Глава 6. И ПУСТЬ ТЕПЕРЬ ОХРИПНЕТ ТОВАРИЩ ЛЕВИТАН

Новая часть — новые испытания	67
С Казанского на «Временную»	68
Главное условие	69
Первая научно-исследовательская задача	71
Все вместе	72
Рождение первого сына	73

Гостинцы из Бакеева	74
«Выполнил первый вариант»	74
«Вопрос о вашем переводе рассматривается...»	75
О пользе контроля	77
«Молодой, со всем справишься»	77
Семнадцать лет спустя	78

Глава 7. ГОРОД НА ВОЛГЕ

Не ждали	79
Будни ВЦ	80
Быть или не быть начальником?	81
Лучшие специалисты	82
Как выбрать себе зама	83
Неожиданное предложение	84
Проверка Главной Инспекцией, или О пользе праздников	85
Руст пролетел	87
Свобода выбора	87
Взрослые дети	89
Содержание	93